

ЛЮМЕН · 02

МУЗЫКА, КОТОРОЙ НЕТ

МАРК ВЕЙНАР

Марк Вейнар

Музыка, которой нет

«Автор»

2026

Вейнар М.

Музыка, которой нет / М. Вейнар — «Автор», 2026

После открытия восстановленного кинотеатра «Люмен» звукорежиссёр Ева Карева получает записи, которые считались погибшими в пожаре 2008 года. На плёнках — голос пропавшей Сони Волковой, неизданная музыка Инги Громовой и след человека, много лет решавшего, кому принадлежит чужая память. Композитор Лев Громов должен помочь восстановить архив, но скрывает прогрессирующую потерю слуха. Он боится стать для Евы проектом, который необходимо спасти, а она — снова оказаться человеком, которого замечают только тогда, когда от него что-то требуется. Их близость рождается среди тишины, вибраций и музыки, которую один из них уже не способен слышать прежним способом. Когда запись Сони незаконно превращают в сенсацию, Еве и Льву приходится защищать не только архив, но и право живых людей не становиться символами чужой истории. Цена этой защиты выводит их к новой улике о пожаре — и к тайне Кости Рудакова, следующего человека из «Люмена», который все эти годы узнавал друзей не по лицам.

© Вейнар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Звон	5
ЧАСТЬ I ПЯТЫЙ КАНАЛ	7
ГЛАВА 1. Тишина после аплодисментов	7
ГЛАВА 2. Последние восемь тактов	9
ГЛАВА 3. Письмо из студии	11
ГЛАВА 4. Человек без доли	13
ГЛАВА 5. Слева	15
ГЛАВА 6. Последняя по замыслу	17
ГЛАВА 7. Публичный слух	19
ГЛАВА 8. Лариса	20
ГЛАВА 9. Право на паузу	22
ГЛАВА 10. Право не отвечать	24
ГЛАВА 11. Частота памяти	26
ГЛАВА 12. Пятый канал	28
ГЛАВА 13. Голос в пустоте	31
ГЛАВА 14. Партитура из соли	34
ГЛАВА 15. Комната без эха	37
ГЛАВА 16. Не жалость	40
ГЛАВА 17. Ошибка в аудиограмме	43
ГЛАВА 18. Дневник слуха	46
ГЛАВА 19. Отменённый концерт	48
ГЛАВА 20. Договор без обещаний	51
ГЛАВА 21. Чужой сын	54
ГЛАВА 22. Частный шум	56
ГЛАВА 23. Студия Valgus	59
ГЛАВА 24. Архивный воздух	62
ГЛАВА 25. Рина	64
ГЛАВА 26. Две женщины поют	67
ГЛАВА 27. Передача прав	70
ГЛАВА 28. Подпись Павла	72
ГЛАВА 29. Лариса и Инга	75
ГЛАВА 30. Письмо сыну	78
ГЛАВА 31. Адрес Павла	81
ГЛАВА 32. Ключ Евы	82
ГЛАВА 33. Шесть голосов	85
ГЛАВА 34. Комната свидетелей	87
ГЛАВА 35. Павел без голоса	89
ЧАСТЬ II ЧУЖАЯ ПЕСНЯ	91
ГЛАВА 36. Утечка	91
ГЛАВА 37. Чужая песня	94
ГЛАВА 38. Запрет	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Марк Вейнар

Музыка, которой нет

ПРОЛОГ. Звон

Когда пожарные вынесли Еву из «Люмена», она слышала одну ноту.

Высокую, тонкую, ровную. Она не менялась, хотя вокруг кричали люди, работали сирены, лилась вода. Нота была будто иглой, которую кто-то вставил в голову и оставил.

— Ты меня слышишь? — спрашивал врач.

Ева видела, как двигаются его губы, и кивала.

На самом деле слышала только звон.

Мира сидела на бордюре с окровавленными коленями. Костя держал камеру, хотя плёнка закончилась. Андрей повторял, что Соня вышла через сцену. Даня пытался прорваться за ленту. Артём разговаривал с отцом и смотрел на него так, будто видел впервые.

Сони не было.

Матвея накрыли серым одеялом.

Павел нашёл Еву у машины скорой помощи.

— Где ключ? — спросил он.

Она поняла по губам.

Ключ Соня дала перед показом. Маленький, с биркой от шкафа. «Если Виктор придёт, открой и отдай плёнку Павлу. Только ему».

Ева спрятала ключ в пианино. Не потому, что боялась Виктора. Потому что Соня весь месяц говорила только с Даней и Павлом, будто остальные были статистами. Ева хотела, чтобы подруга хотя бы раз попросила её по-настоящему. Чтобы заметила.

Потом начался огонь.

— В пианино, — ответила Ева.

Собственный голос показался далёким.

Павел закрыл глаза.

— Почему не отдала раньше?

Она не сказала правду.

— Забыла.

Он поверил или сделал вид. Ушёл к пожарным.

Через два часа Павел привёл Еву в пустой кабинет соседнего театра. Поставил на стол кассетный магнитофон.

— Послушай, — сказал он.

— Я ничего не слышу.

— Слышишь. Просто после взрыва заложило.

Он включил запись. Ева видела движение катушек. По лицу Павла понимала, что там голос Сони. Может быть, последний.

— Что она говорит? — спросил он.

— Не знаю.

— Ты звук различаешь лучше нас. Сосредоточься.

Ева прижала наушники. Звон стал громче. Под ним возникли обрывки: дождь, шаги, женское дыхание. Слова не складывались.

— Я не могу.

— Нужно.

— Мне больно.

— Соня пропала.

Он произнёс это как аргумент, который отменял любую боль.

Ева слушала ещё двадцать минут, пока из носа не пошла кровь.

Ночью врач сказал: акустическая травма. Возможно, шум исчезнет через несколько дней.

Он не исчез.

Через год Ева научилась засыпать с вентилятором. Через пять — работать в наушниках, не показывая, что тишина звучит громче музыки. Через восемнадцать — восстанавливать чужие голоса из шума.

И только тогда поняла: всю жизнь она пыталась разобрать не запись Сони.

Собственное «мне больно», которое никто не счёл достаточной причиной остановиться.

ЧАСТЬ I ПЯТЫЙ КАНАЛ

ГЛАВА 1. Тишина после аплодисментов

После технического показа люди ушли, а звук остался.

Не музыка и не разговоры. Тонкое послезвучие зала — вентиляция, остывающие лампы, щелчки деревянных кресел. Ева сидела за пультом и слушала, как «Люмен» привыкает к тому, что внутри снова были зрители.

Лев стоял на сцене спиной к пустому залу. Слуховой аппарат лежал у него на ладони.

— Почему снял? — спросила Ева.

Он не повернулся.

Она повторила громче.

— Не кричи, — сказал он. — Я слышу правым.

— Тогда повернись правым.

Лев развернулся.

— После двух часов аппарат превращает всё в металлический суп.

— Нужно настроить компрессию.

— Нужно, чтобы люди не говорили одновременно.

— Это сложнее настроить.

На сцене остались стулья оркестра после репетиции. Они исполнили только короткую тему Инги перед фильмом. Последние восемь тактов закончились виолончелью вместо голоса Сони. Публика ещё не слышала — сегодня был технический показ без концерта.

Лев сел на край сцены.

— Ты довольна?

— Чем?

— Залом. Звуком. Тем, что отец наконец выиграл.

— Павел умер.

— Он всё равно выиграл. Заставил вас восстановить кинотеатр, нашёл Соню, оставил каждому роль. Даже меня, не вписав в завещание.

— Ты мог не участвовать.

— Мог. И отдать вам музыку женщины, которую любил мой отец.

— Инга не была твоей матерью.

— Я знаю.

В его голосе появилась резкость. Ева поняла, что фраза ударила не туда.

— Прости. Я хотела сказать: музыка принадлежит не семье как фамилии.

— А кому? Тебе, потому что Павел написал имя на тетради?

— Никому одному.

— Удобный ответ человека, у которого есть доля в здании.

Ева сняла наушники. Звон сразу занял всё пространство между словами.

— Ты злишься, что Павел не оставил тебе кинотеатр.

— Да.

— Тогда говори это, а не права на музыку.

Лев посмотрел в тёмный зал.

— Он оставил дом пятерым подросткам, которых знал несколько лет, и женщине, которую прятал. Сыну — письмо о слухе и коробку с медицинскими картами. Как будто я был проблемой, которую можно решить информацией.

— Я не знаю, почему.

— Ты всегда так отвечаешь, когда знаешь больше, чем говоришь?

— Я не Мира.

— Нет. Ты хуже. Она хотя бы объясняет, что контролирует. Ты молчишь, пока люди сами не услышат нужное.

Ева встала.

— Мы устали. Продолжим завтра.

— Право на паузу?

— Да.

— Очень удобно.

Она не ответила. Собрала ноутбук и пошла к выходу.

— Ева, — позвал Лев.

Она остановилась, но не повернулась.

— Я не слышал последние четыре такта, — сказал он. — Даже с аппаратом. Видел, как смычок движется. Поэтому понял, где музыка.

Злость исчезла, оставив страх.

Ева повернулась.

— Когда это началось?

— В Таллине.

— Почему не сказал?

— Потому что ты бы остановила работу.

— Возможно.

— Вот.

— А теперь я не могу решить, какие уровни безопасны, потому что ты скрыл изменение.

— Моё ухо — не твой проект.

— Но общий пульт — моя ответственность.

Они стояли по разные стороны сцены, каждый защищая право не быть исправленным и право не причинить вред.

В пустом зале автоматически погас рабочий свет.

Лев не услышал щелчка реле.

Ева слышала слишком хорошо.

ГЛАВА 2. Последние восемь тактов

Наутро они встретились в аппаратной как коллеги.

Ева принесла распечатку ограничений врача Льва, которую он всё-таки отправил ночью. Максимальный уровень, время непрерывной работы, обязательные перерывы. Она составила график без комментариев о диагнозе.

— Два часа работы, двадцать минут отдыха, — сказала она. — На репетиции второй оператор. Ты не снимаешь аппарат в зоне высокого шума без защиты.

— Последнее не связано с аппаратом.

— Связано с тем, что без него ты не слышишь предупреждения слева.

— Тогда предупреждения будут справа.

— Не всегда можно переставить пожар.

Лев взял лист.

— Ты уже говоришь со мной громче.

Ева почувствовала стыд. Действительно повысила голос.

— Скажи, если повторю.

— Я только что.

— Принято.

Они открыли партитуру Инги. Последние восемь тактов были восстановлены из таллиннской плёнки. В оригинале Соня и Алина пели без слов — две мелодические линии, сходящиеся на одной ноте. Публичное разрешение касалось только музыки, не голосов.

Ева заменила старшую линию виолончелью, младшую — стеклянной гармоникой. Лев считал, что исчезло дыхание.

— Инструмент не сомневается перед нотой, — сказал он. — А Соня сомневается. Слышишь паузу?

— Слышу.

— В ней смысл.

— Можно записать дыхание другого вокалиста.

— Это будет имитация конкретного человека.

— Тогда оставить тишину.

— Публика решит, что ошибка.

— Пусть.

Лев подошёл к роялю и сыграл последние такты. На шестом остановился, не слыша верхнюю ноту. Смотрел на клавишу, затем нажал снова.

— Она звучит? — спросил.

Ева ненавидела этот вопрос. В нём было доверие и зависимость, которых он боялся.

— Да. Чисто.

— Какая высота?

— Ми шестой октавы.

Он сыграл ниже, построил гармонию вокруг того, чего не слышал.

— Не делай вид, что ноты нет, — сказала Ева.

— Я не делаю. Пишу музыку вокруг неё.

— Это одно и то же, если всё подчинено отсутствию.

— А ты что делаешь с тиннитусом? Каждый микс строишь так, чтобы его не заметить.

Ева застыла.

— Не используй мой диагноз в споре.

— Ты используешь мой с первой минуты.

— Потому что он влияет на работу.

— Твой тоже.

Она хотела сказать, что справляется. Что тиннитус стабилен, что аудиограммы в норме, что она профессионал. Но вчера ночью звон был таким громким, что Ева включила вытяжку и душ одновременно.

— Влияет, — признала она. — Поэтому у меня есть второй оператор и ежегодный тест.

— А мне нужен кто?

— Не знаю. Решим вместе с врачом и оркестром.

Лев закрыл крышку рояля.

— Я хочу написать новую партитуру для открытия. Не только восстановить Ингу.

— Хорошо.

— Последнюю большую вещь, пока слышу достаточно.

Ева посмотрела на него.

— Нет.

— Ты не решаешь.

— Я не запрещаю писать. Я отказываюсь участвовать в проекте, который заранее объявляет твою музыку похоронами слуха.

— Это реализм.

— Это попытка сделать потерю завершённой, чтобы не жить с неизвестностью.

— Ты специалист по неизвестности?

— Я восемнадцать лет слышу звук, который может стать громче завтра и никогда не исчезнет. Да.

Лев снял аппарат и положил на рояль.

— Тогда работай над тишиной. Я напишу один.

Он ушёл.

На пюпитре осталась партитура. В последних восьми тактах две линии сходились и расходились снова. Не финал. Просто место, где голоса на секунду слышали друг друга.

ГЛАВА 3. Письмо из студии

Запрет пришёл через три дня.

Московский продюсер Георгий Маркин заявил, что владеет исключительными правами на музыку Инги Стрельцовой по договору 1994 года. Он требовал прекратить репетиции, вернуть мастер-плёнки и удалить все цифровые копии.

К письму прилагалась сканированная подпись Инги.

— Он ждал технического показа, — сказала Мира на совещании. — Пока музыка не прозвучала публично, архив не имел коммерческой ценности.

Лев листал договор.

— Я знаю Маркина. Он выпускал первые записи отца.

— Павел был режиссёром, не музыкантом, — заметил Даня.

— Он продюсировал фильмы и альбом Инги. Маркин бывал у нас дома. Мать ненавидела.

— Почему?

— Спросите её.

— Мы спросим тебя, что знаешь, — сказала Ева.

Лев посмотрел справа, чтобы слышать.

— После ухода Инги Маркин требовал от Павла мастер-ленты. Отец говорил, что уничтожил. В 2012-м они судились, но дело закрыли мировым. Я не видел условий.

Мира проверила реестр. Материалы суда были частично недоступны.

— Нам нужен оригинал договора, — сказала она. — И документы о наследовании прав после смерти Инги.

— Наследник — Анна, — ответила Ева. — То есть Соня, если Инга считалась её матерью юридически.

— Возможно. Но музыкальные права могли быть переданы отдельно.

Маркин предложил переговоры. Подключился по видео из белого кабинета с золотыми пластинками на стене. Ему было около шестидесяти, говорил мягко.

— Я не хочу мешать памяти Инги, — сказал он. — Наоборот. Ваше любительское восстановление искажает её замысел.

— Работу ведут профессионалы, — ответила Ева.

— Вы звукорежиссёр, госпожа Карева, но не правообладатель и не композитор. Лев — талантливый человек, однако эмоционально заинтересован.

— Вы слышали восстановление? — спросил Лев.

— Короткий фрагмент.

— Откуда?

Маркин улыбнулся.

— В культурной среде ничего не остаётся закрытым.

Ева почувствовала холод. Фрагмент закрытой репетиции могли записать только находившиеся в зале или получить с внутреннего сервера.

— Назовите источник, — сказала Мира.

— После подписания соглашения о конфиденциальности.

Условия Маркина: фонд признаёт его права, получает лицензию на один концерт и передаёт все найденные материалы для профессионального релиза. Голос Сони он хотел использовать как «исторический документ».

— Нет, — сказала Ева.

— Я ещё не закончил.

— Голос не передаётся.

— Он часть фонограммы.

— Человек не перестаёт владеть своим голосом из-за того, что попал на плёнку.

— Юридически это сложнее.

— Поэтому здесь Мира.

Маркин посмотрел на Льва.

— Твой отец понимал цену компромисса. В конце концов всегда приходил ко мне, когда хотел, чтобы музыку слышали.

— Он спрятал её от вас на двадцать лет.

— Или от тебя.

Лев выключил связь.

— Зачем? — спросила Мира.

— Потому что ещё минута — и я ударил бы экран.

— Теперь он скажет, что мы сорвали переговоры.

— Пусть.

— Нет. Мы отправим письменный ответ и запросим документы.

Ева смотрела на закрытое окно видеосвязи. Маркин знал о репетиции. Значит, история начиналась не только с прав.

Кто-то внутри «Люмена» снова вынес звук наружу без разрешения.

ГЛАВА 4. Человек без доли

Лев пришёл в дом матери вечером.

Лариса Громова жила в Петербурге, но после смерти Павла вернулась в Ладожск и поселилась в старой квартире, где они жили до развода. Она ничего не меняла: пианино у окна, книги Павла на полке, фотография семьи, где Льву десять.

— Маркин объявился, — сказал он.

Мать не удивилась.

— Я знала, что объявится, когда услышит музыку.

— У него есть договор с Ингой?

— Был.

— Действующий?

— Не знаю.

— Ты знала о суде 2012 года?

— Да.

— Почему никто никогда ничего мне не говорил?

Лариса поставила чайник.

— Потому что Павел считал, что ты не должен быть втянут.

— Он считал за всех.

— В этом вы похожи.

— Я хотя бы не оставляю кинотеатр чужим людям.

Мать повернулась.

— Вот, значит, что болит.

— А что должно? Он оставил мне письмо о наследственной глухоте. Очень заботливо.

— Ты хотел долю?

— Я хотел, чтобы он подумал обо мне как о человеке, который может решать, нужна ли доля.

— Возможно, подумал.

— И решил не давать. Разницы нет.

Лариса принесла коробку с документами.

— Павел подписал завещание за два года до смерти. Потом трижды менял приложения. Твоё имя было в первой версии.

Лев открыл копию. Ему предназначалась половина кинотеатра и весь музыкальный архив. Позже доля исчезла, архив перешёл фонду с отдельными правами Евы.

— Почему?

— Он узнал о твоём слухе.

— И решил, что глухой сын не справится с кинотеатром?

— Не знаю.

— Ты всегда говоришь это, когда знаешь больше.

— Потому что я знаю факты, не мысли мёртвого человека.

Лев захлопнул папку.

— Ты злишься на него?

Лариса рассмеялась сухо.

— Тридцать лет. Иногда по расписанию.

— За Ингу?

— За то, что он любил её как историю. Меня — как дом. Дом казался менее важным, пока однажды он не понял, что без дома истории негде хранить. Тогда вернулся. Я не пустила.

— Они были вместе?

— Да.

Слово прозвучало просто.

Лев знал о слухах, но никогда не слышал от матери.

— Когда?

— До твоего рождения и несколько лет после. Не постоянно. Павел умел считать отсутствие доказательством свободы.

— Инга могла быть моей матерью?

Лариса побледнела.

— Нет.

— Ты уверена?

— Я тебя родила, Лев.

— Я спрашиваю о...

— Достаточно.

Она встала, опираясь на стол.

— Ты мой сын. Павел — твой отец. Инга была женщиной, которую он любил и которая помогла ему спасти Соню. Это не делает тебя меньше сыном.

— Но он оставил её дочери долю, а мне нет.

— Да.

Лариса не пыталась смягчить.

— У тебя есть оригиналы документов Маркина? — спросил Лев.

— Один договор. Инга оставила у Павла копию с пометками. Я нашла после его смерти.

— Почему не отдала фонду?

— Потому что фонд забрал почти всё, что осталось от моего брака. Хотела сохранить хоть одну папку, которую никто не превратит в общую тайну.

Лев понял. Не согласился, но понял.

— Теперь отдашь?

— Сначала прочитаем вместе.

Это условие не было контролем. Мать просила место в истории, из которой её десятилетиями вырезали.

Они сели рядом и открыли договор.

На последней странице Инга от руки написала:

«Права возвращаются автору, если Маркин использует запись без отдельного согласия на голос».

ГЛАВА 5. Слева

Ева обнаружила утечку в локальной сети.

Кто-то подключился к репетиционному серверу через старую учётную запись Павла и скачал двадцать семь секунд. Пароль был записан в архивной тетради, доступ к которой имели семь человек и подрядчик по оцифровке.

— Маркин мог купить доступ, — сказал Андрей.

— Или получить от того, кто считает, что музыка принадлежит публике, — ответила Ева.

Она отключила внешние соединения, сменила ключи, ввела двухфакторную авторизацию. Потом заметила, что Лев стоит слева и не реагирует на её слова.

— Лев.

Он продолжал читать журнал.

Ева коснулась его плеча. Он резко повернулся.

— Не подходи так.

— Я звала три раза.

— Не слышал.

— Аппарат?

— Разрядился.

— Запасная батарея?

— В машине.

— Тогда почему ты в серверной, где аварийный сигнал только звуковой?

— Потому что пришёл посмотреть журнал.

— Выйди и принеси батарею.

— Не командуй.

— Это правило безопасности.

— Правило появилось сейчас?

— Сейчас обнаружила риск.

Лев сделал шаг к двери, потом остановился.

— Ты не замечаешь, как меняется лицо, когда я не слышу. Становишься медленнее, чётче, будто я ребёнок.

Ева сжала пальцы.

— Я стараюсь, чтобы ты понял.

— Я понимаю обычную речь справа.

— Не всегда можешь стоять справа от мира.

— А ты не всегда можешь перестроить мир под свой звон. Но перестраиваешь пульт.

— Пульт не человек.

— Для тебя иногда да.

Она могла продолжить спор. Вместо этого сняла со стены мигающий визуальный сигнализатор, который собирались установить позже, и подключила к серверной панели.

— Теперь авария будет видна, — сказала обычным голосом. — Батарея всё равно нужна. Решение за тобой.

Лев посмотрел на лампу.

— Ты сделала это, чтобы доказать, что права?

— Чтобы риск не зависел от нашего спора.

Он ушёл за батареей.

Вернулся через десять минут. Аппарат снова работал.

— Спасибо, — сказал он.

— За лампу?

— За то, что не пошла следом.

Ева продолжила проверять логи.

— Я хотела.

— Знаю.

— И ещё: я действительно говорю медленнее. Не замечала.

— Я скажу.

— Хорошо.

Они нашли источник утечки ближе к вечеру. Учётная запись использовалась с компьютера в архиве. Камера показывала Льва в комнате в нужное время.

— Это не я, — сказал он.

— На записи ты.

— Я заходил за партитурой. Ничего не скачивал.

— Кто ещё был?

— Никого.

Ева смотрела на журнал и видео. Она верила ему. Но профессионально не могла принять веру как доказательство.

— Нужно передать проверку другому специалисту, — сказала она.

— Потому что считаешь меня подозреваемым?

— Потому что ты мне не безразличен. Это делает меня заинтересованной.

Лев снял аппарат.

— Иногда лучше бы ты просто сказала, что веришь.

— Верю. И всё равно проверю.

ГЛАВА 6. Последняя по замыслу

Лев представил партитуру совету без Евы.

Название: «Последний слышимый свет».

Семь частей соответствовали частотам, которые он терял. Музыка начиналась полным оркестром и постепенно лишалась верхних инструментов, пока в финале не оставались контрабасы, ударные и световые импульсы.

— Это красиво, — сказал Даня.

— Это некролог, — ответила Ева.

Лев повернулся к ней правым ухом.

— Ты даже не слышала целиком.

— Читала партитуру.

— Музыку не читают как судебный документ.

— Ты строишь драматургию вокруг прогрессирующей глухоты, которая ещё не наступила полностью. Каждая потерянная частота становится сценой прощания.

— Потому что я теряю.

— Да. Но не знаешь скорость, предел и способы слышать дальше.

— Хочешь, чтобы я написал оптимистичный марш про аппараты?

— Хочу, чтобы ты не заставлял будущего себя сыграть роль мёртвого музыканта ради сегодняшней красивой концепции.

В комнате стало тихо.

Лев положил карандаш.

— Ты участвуешь или нет?

— В этой версии — нет.

— Тогда я найду другого звукорежиссёра.

— Имеешь право.

Ольга вмешалась:

— Концерт в «Люмене» использует оборудование фонда. Нужен технический совет и соблюдение ограничений.

— Вот оно, — сказал Лев. — Отцу не пришлось оставлять мне долю. Вы всё равно решаете, что я могу сыграть в его зале.

— В общем зале, — ответила Мира. — И не что можешь, а при каких безопасных условиях.

— Очень тонкая разница.

— Важная.

Лев собрал листы.

— Я проведу концерт в филармонии.

— Там тоже будут правила, — сказала Ева.

— Но не твои.

Он ушёл.

Даня посмотрел на неё.

— Ты действительно готова отказаться?

— Да.

— Потому что партитура плохая?

— Она сильная. Поэтому опаснее. Публика полюбит историю про композитора, который прощается со слухом. А потом он будет обязан соответствовать собственному финалу.

— Искусство иногда требует использовать боль.

— Свою — можно. Но будущего себя тоже стоит спросить.

Вечером Лев прислал ей аудиофайл. Черновая запись первой части. Под сообщением:
«Не как коллеге. Просто хочу, чтобы услышала».

Ева надела наушники. Музыка была прекрасной и жестокой. Высокие струны постепенно исчезали, но мозг продолжал ждать их, достраивая отсутствующее. В конце первой части осталась нота, которую Лев уже не слышал.

Он написал её точно.

Ева плакала и злилась одновременно.

Ответила:

«Слышу. Решение не изменилось».

Через минуту пришло:

«Спасибо, что не солгала».

ГЛАВА 7. Публичный слух

Новость о «последней симфонии» появилась раньше, чем Лев утвердил название.

Афиша разошлась по городским пабликам: его профиль, огни «Люмена» и фраза «успеть услышать до тишины». Он увидел её в телефоне у женщины в очереди за кофе.

— Кто это согласовал? — спросил Лев у менеджера фонда.

— Рабочий макет попал партнёрам. Они выложили без финального подтверждения.

— Удалить.

— Уже собрали тысячу регистраций.

— Удалить.

Менеджер посмотрел на Еву, будто она должна смягчить решение.

— Это привлечёт финансирование реставрации.

— Медицинский прогноз не рекламный ресурс, — сказала она.

— Но сам Лев объявил, что пишет последнюю партитуру.

— Я сказал это в закрытой комнате, — ответил он. — И не давал права делать из фразы диагноз.

Афишу сняли, но копии остались. Через час Льву позвонила бывшая преподавательница. Потом однокурсник. Потом журналист, который спросил, «сколько музыки ему осталось».

Он выключил телефон.

— Я сам придумал формулировку, — сказал Лев. — Они просто использовали.

— Это не делает публикацию согласованной.

— Но я действительно хотел последний концерт. Красиво закончить раньше, чем слух закончит меня.

Ева встала у окна аппаратной.

— Тогда скажи, что изменилось.

— Ничего не изменилось.

— Ты злишься не только из-за утечки.

Лев снял аппарат.

— Я злюсь, что увидел свою мысль снаружи и она оказалась дешёвой.

Ева написала на экране:

«Можно отказаться от формулировки, даже если она была твоей».

Он прочитал.

— Публика решит, что я испугался.

«Возможно».

— Ты умеешь поддержать.

«Хочешь красивую версию?»

Лев покачал головой.

Они подготовили короткое заявление: концерт не называется последним; диагноз и прогноз не используются в рекламе; регистрация сохраняется, но участники получают обновлённое описание; возврат пожертвований возможен без объяснения.

Часть людей отказалась. Один спонсор сократил сумму. Зато исчезла обязанность исполнить собственные похороны ради тех, кого привлекла афиша.

Вечером Лев перечеркнул на партитуре слово «последняя».

Не заменил другим.

Публичный слух о его будущем уже существовал. Но он не был обязан продолжать жить внутри чужого заголовка только потому, что когда-то сам произнёс похожую фразу.

ГЛАВА 8. Лариса

Лариса пришла в «Люмен» с оригиналом договора.

Она не бывала здесь после похорон Павла. Остановилась в фойе у стены истории и прочитала подпись под его фотографией: «Спас Соню от непосредственной угрозы, затем продолжал принимать решения о её безопасности без открытого согласия».

— Жестоко, — сказала она.

— Фактически, — ответила Мира.

— Он сделал больше хорошего, чем написано.

— И больше плохого, чем здесь.

Лариса посмотрела на неё.

— Вы его любили?

— Как взрослого, который иногда делал нас командой и иногда использовал.

— Значит, да.

В аппаратной Ева ждала с юристом. Лев пришёл последним.

Мать положила договор на стол.

— Я передаю копию для экспертизы. Оригинал остаётся у меня до решения суда.

— Почему? — спросила Ева.

— Потому что это документ Инги, который Павел хранил в нашем доме. Я не хочу снова узнать постфактум, что им распорядились.

— Справедливо, — сказала Мира.

Лев открыл страницу с рукописным условием о голосе.

— Если подпись настоящая, Маркин потерял права, когда использовал фрагмент без согласия.

— Он скажет, что фрагмент получил не от себя, — заметила Ева.

— Поэтому найдите утечку.

Лариса посмотрела на сына.

— Ты носишь аппарат.

— Иногда.

— Почему не сказал?

— Потому что ты бы начала говорить громче.

— Я и так говорю громко.

— Именно.

Она села рядом, не слева и не справа — напротив.

— Павел знал о наследственном риске до твоего рождения, — сказала Лариса. — Его мать почти оглохла к пятидесяти. Он боялся, что если расскажет, ты откажешься от музыки.

— И поэтому позволил мне работать в клубах без защиты?

— Я не знала. Он сказал только после твоих тридцати.

— Почему ты тоже молчала?

Лариса не оправдывалась.

— Потому что разозлилась. Решила: раз он скрывал, пусть сам и говорит. Потом он умер. Я всё равно не сказала. Это была месть ему, которую понёс ты.

Лев встал.

— Мне нужно выйти.

— Я понимаю.

— Нет. Не говори, что понимаешь.

Он ушёл из аппаратной.

Ева хотела следом, но осталась.

Лариса смотрела на дверь.

— Идите, — сказала она.

— Он просил не спасать.

— Тогда не спасайте. Просто будьте в коридоре, если сам выйдет.

Ева вышла и села у стены. Лев стоял у окна в конце коридора. Она не подходила.

Через несколько минут он сам сел рядом.

— Я ненавижу их обоих, — сказал.

— Сейчас можно.

— И всё равно хочу, чтобы мать осталась.

— Скажи.

— Не могу.

— Тогда посиди. Она пока не уходит.

За дверью Лариса действительно ждала.

ГЛАВА 9. Право на паузу

Маркин обратился в суд и получил временный запрет на публичное исполнение музыки Инги.

Февральский концерт отменили до рассмотрения прав. Проданные билеты нужно было вернуть или перенести. Оркестр терял дату, фонд — грант.

— Можно исполнить только новую партитуру Льва, — предложил директор филармонии. — Без цитат Инги.

Лев согласился.

Ева отказалась работать звукорежиссёром.

— Ты наказываешь меня за суд? — спросил он.

Они стояли в пустом репетиционном зале филармонии. За стеной оркестр настраивал инструменты.

— Я не участвую в концепции «последней музыки». Это решение было до суда.

— Я изменил название.

— Какое теперь?

— «Свет ниже порога».

— Финал тот же?

— Да.

— Тогда нет.

Лев подошёл ближе.

— Ты слышала файл. Тебе понравилось.

— Да.

— И всё равно отказываешься.

— Красота не отменяет мою границу.

— Ты боишься, что если поможешь, станешь ответственной за ухудшение.

Ева почувствовала точность.

— Частично.

— Значит, дело не только во мне.

— Никогда не только.

— Тогда скажи честно: ты не выдержишь, если я потеряю слух рядом.

— Не знаю, выдержу ли. Но отказываюсь не поэтому.

— А почему?

— Потому что ты превращаешь концерт в договор с будущим: после него имеешь право исчезнуть из музыки, оттолкнуть людей и сказать, что финал уже написан. Я не хочу помогать строить дверь, которую ты закроешь снаружи.

Лев замолчал.

— Ты сравниваешь меня с Волковым?

— Нет. С нами всеми, когда мы называем страх решением.

Дирижёр выглянул из зала:

— Лев, начинаем.

Он не отводил взгляда от Евы.

— Уйди тогда.

— Уйду.

Она собрала сумку.

— И не слушай репетицию из коридора.

— Это не тебе решать.

— Верно.

Ева вышла. Села в кафе через дорогу и включила белый шум, чтобы не слышать оркестр сквозь стены. Звон внутри всё равно подстраивался под воображаемую музыку.

Через час Лев написал:

«Репетицию остановили. Я не слышу баланс и не доверяю другому звукорежиссёру».

Ева смотрела на сообщение. Могла вернуться и доказать, что нужна. Не вернулась.

Ответила:

«Это не значит, что должен доверять мне. Найди специалиста и установи правила».

Он не отвечал до ночи.

Потом прислал:

«Я злюсь».

Ева написала:

«Я тоже».

ГЛАВА 10. Право не отвечать

После заседания журналисты ждали у бокового выхода суда.

Мира заранее предупредила, что никто не обязан говорить. Лев услышал только половину её фразы: в коридоре звенели рамки металлоискателя, люди переговаривались, двери хлопали слишком близко. Он увеличил громкость аппарата и сразу пожалел. Все звуки стали крупнее, но речь яснее не сделалась.

Ева заметила движение его пальцев у уха.

— Выходим через архивный переход, — сказала она, встав так, чтобы он видел лицо. — Там одна камера местного канала. Можно пройти молча.

— Ты уже решила за всех?

— Предложила маршрут.

— Голосом, который не оставляет пространства спорить.

Ева выдержала паузу.

— Хорошо. Какой маршрут предлагаешь ты?

Он посмотрел на стеклянную дверь. За ней вспыхивали телефоны. На экране одного уже стояло его имя рядом со словами «тайный наследник». Суд рассматривал права Инги, но прессе нравилась семья Павла.

— Через главный вход, — сказал Лев. — Я отвечу на один вопрос.

— Зачем?

— Чтобы они перестали придумывать, почему я прячусь.

— Не перестанут.

— Тогда хотя бы будут придумывать после моего ответа.

Мира вмешиваться не стала. Только спросила:

— Тебе нужен человек рядом?

Лев хотел сказать «нет». Увидел Еву и ответил:

— Нужен тот, кто остановит разговор после одного вопроса.

— Я могу, — сказала Ева.

— Не как мой переводчик.

— Как представитель проекта.

Они вышли вместе.

Первый вопрос оказался о деньгах. Второй — об Инге. Третий выкрикнули, не дожидаясь ответа:

— Господин Громов, правда ли, что вы теряете слух и поэтому торопитесь исполнить последнюю партитуру матери?

Лев замер. Он не понял каждое слово, но узнал конструкцию по губам и выражениям людей. Диагноз ещё не был публичным.

Ева подняла ладонь.

— Мы договорились об одном вопросе.

— Но он может подтвердить или опровергнуть!

— Не обязан.

— Это общественно значимый проект!

— Его медицинские данные не становятся общественными из-за афиши.

Камеры повернулись к ней.

— Вы скрываете состояние главного композитора?

— Я защищаю право человека самому выбрать, что сообщать.

Лев коснулся её локтя. Ева посмотрела на него.

— Я отвечу, — сказал он.

Она не возразила.

— У меня есть снижение слуха. Я прохожу обследование. Это влияет на работу, поэтому команда знает ограничения. Остальное — не ваш материал до моего согласия.

— Концерт будет последним?

Ева шагнула вперёд.

— Разговор окончен.

Они дошли до машины под крики. Лев сел на заднее сиденье и снял аппарат. Мир сузился до движений, света и вибрации двигателя.

Ева устроилась рядом. Несколько секунд ничего не говорила. Потом открыла заметки на телефоне и написала:

«Ты сам хотел ответить. Я не считаю это ошибкой».

Лев прочитал.

«Но?»

«Но вопрос был получен из чьей-то утечки. Нужно понять откуда».

«Ты всегда превращаешь чувство в задачу?»

Ева посмотрела на него, затем набрала:

«Почти всегда».

Он ожидал оправдания. Его не было.

«Почему?»

Она долго держала телефон. Машина проехала стык моста; вибрация прошла через сиденье.

«Потому что задача имеет конец. Чувство — нет».

Лев вернул аппарат, но не включил.

— Я не хочу, чтобы ты говорила за меня, — произнёс он, контролируя громкость по её лицу.

— Поняла.

— Но хочу, чтобы иногда спрашивала, нужен ли мне твой голос.

— Буду.

— И ещё.

— Что?

— Когда ты сказала, что я не обязан отвечать, это не было похоже на жалость.

— Потому что не было.

Ева повернулась к окну. Отражение камеры, преследовавшей их до выезда, исчезло в стекле.

Лев впервые подумал, что её стремление всё контролировать может быть не противоположностью заботы, а её плохо настроенной формой.

И что настройка потребует согласия обоих.

ГЛАВА 11. Частота памяти

Ночью Ева проснулась от того, что звон изменил высоту.

Обычно он держался где-то между писком старого телевизора и металлической нотой, которую нельзя найти на клавиатуре. Сегодня к нему добавилась пульсация. Она включила лампу, села и стала считать.

Шестьдесят восемь ударов в минуту.

Не сердце. Ритм расходился.

Ева открыла рабочую программу на ноутбуке, подключила генератор и начала искать частоту, способную хотя бы сместить внимание. Три тысячи герц. Четыре. Две с половиной. На каждой точке возникало краткое облегчение, а затем внутренний звук возвращался сильнее.

В два часа она выключила всё.

На кухне зашумел холодильник. Трубы в стене отдали низким гулом. Сосед сверху уронил что-то тяжёлое. Город не был тихим. Тишина существовала только как название чужого опыта.

Телефон мигнул сообщением Льва:

«Не спишь?»

Ева посмотрела на время.

«Почему ты не спишь?»

«Вопросом на вопрос отвечают люди, которые не хотят отвечать».

«Тогда мы оба».

Через минуту он позвонил по видео. Лицо появилось слишком близко; Лев держал телефон так, чтобы читать её губы. Аппарата не было.

— Можно просто писать, — сказала Ева.

Он показал блокнот. На странице крупно было выведено: «НЕ МОГУ УСНУТЬ».

Она невольно улыбнулась.

— Очень технологично.

Лев написал: «У тебя звук сильнее?»

Ева не спрашивала, откуда он понял. Возможно, по её глазам. Возможно, по тому, что она никогда не отвечала после полуночи без причины.

— Да.

«Что нужно?»

— Ничего.

Он перевернул лист. На обратной стороне заранее было написано: «ЭТО НЕ ОТВЕТ».

— Ты подготовился.

«Я композитор. Предугадываю повторения».

Ева прошла в гостиную и поставила телефон у окна. За стеклом снег отражал фонари.

— В семнадцать лет я решила, что смогу убрать звон сама, — сказала она медленно. — Нашла старый генератор Павла. Каждую ночь включала разные частоты. Иногда доводила громкость до боли, потому что казалось: ещё немного — и внутренний звук сломается.

Лев перестал писать.

— Я никому не сказала. Ни врачу, ни матери. Через месяц смогла работать и решила, что победила.

Он поднял новый лист: «А сейчас?»

— Сейчас знаю, что не победила. Но всё ещё веду себя так, будто должна.

«Почему сегодня рассказываешь?»

Ева могла ответить профессионально: потому что они работают в одной системе, потому что его диагноз влияет на проект, потому что честность должна быть взаимной. Все фразы были верными и недостаточными.

— Потому что ты спросил, что нужно, и не предложил способ.

Лев посмотрел в сторону, написал медленнее:

«Могу быть на экране, пока не уснёшь».

— Это тоже способ.

Он зачеркнул и написал:

«Могу быть на экране. Результат не обещаю».

— Так лучше.

Они не разговаривали. Лев поставил телефон у рояля и начал разбирать бумаги. Ева сидела у окна. Иногда он поднимал лист: «ВОДА», «ПЛЕЧИ», «НЕ УВЕЛИЧИВАЙ ГРОМКОСТЬ». Последняя надпись вызвала раздражение.

— Не контролируй.

Он сразу перевернул страницу: «ПРОСТИ».

Не объяснял, что беспокоится. Не пытался доказать разумность совета.

Ева принесла стакан сама.

Звон не стих. Через сорок минут она легла на диван, оставив экран включённым. Лев сидел в другом городе — всего через несколько улиц, но расстояние ощущалось правильным. Он был рядом и не входил в комнату.

Перед тем как уснуть, Ева увидела новый лист:

«Я НЕ СЛЫШУ ТЕБЯ. НО ВИЖУ, ЧТО ТЫ ЕСТЬ».

Утром соединение уже оборвалось. На телефоне осталось сообщение:

«Заснул первым. Считай это провалом услуги».

Ева ответила:

«Услуга не заказывалась».

Потом добавила:

«Спасибо».

Слово не стало обещанием. Только точной отметкой: этой ночью память о боли получила рядом ещё одну частоту.

ГЛАВА 12. Пятый канал

На следующее утро в «Люмен» пришла женщина с двумя ноутбуками, набором переходников и выражением лица человека, который заранее не верил ни одной версии.

Её звали Тамара Киселёва. Раньше она проверяла системы банков, теперь занималась цифровыми расследованиями и говорила так, будто любое лишнее слово могло испортить доказательство.

— Никто не подключает телефоны к внутренней сети, — сказала она. — Никто не открывает почту с рабочих компьютеров. Никто не пытается мне помочь, если я не попросила.

— Последнее будет трудно, — заметила Мира.

— Тогда начнём с самого подозрительного.

Она посмотрела на Льва.

Лев усмехнулся без веселья.

— Приятно быть очевидным выбором.

— Вы не выбор. Вы событие на записи. В ноль сорок три вы вошли в архивную комнату. В ноль пятьдесят один файл оказался на внешнем накопителе. В ноль пятьдесят четыре вы вышли.

— Я искал партитуру.

— И нашли?

— Нет.

— Почему восемь минут?

— Потому что коробки подписывал человек, ненавидящий человечество.

Тамара не улыбнулась.

Ева стояла у стены, скрестив руки. После вчерашнего разговора они с Львом не переписывались. Утром он поздоровался так, словно между ними не было ни злости, ни отказа, ни фразы о том, что она не выдержит его глухоту. Это было удобнее, но не честнее.

Тамара подключилась к серверу и вывела на большой экран журнал доступа.

— Видеозапись настоящая, — сказала она через час. — Но время на ней не настоящее.

— Как это? — спросил Артём.

— Камера потеряла синхронизацию после замены блока питания. Её часы отставали на сорок семь минут. В момент, который система считает нулём сорок три, реальное время было час тридцать.

Лев нахмурился.

— В час тридцать я уже был в гостинице.

— Подтверждение?

— Оплата мини-бара, — сказал он. — И сообщение Еве.

Все посмотрели на неё.

Ева достала телефон. В час двадцать восемь Лев действительно прислал ей фотографию страницы с пометкой: «Если отец называл это каталогом, то он ненавидел библиотеки сильнее, чем людей».

На снимке виднелась гостиничная тумбочка и бутылка воды.

— Метаданные можно изменить, — сказала Тамара. — Но пока версия с вашим физическим присутствием в архиве ослабла.

— Значит, камера сняла его раньше? — спросила Мира.

— Да. А кто-то использовал запись как удобную ширму. Скопировал файл позже, под учётной записью Павла Громова, и оставил фрагмент с Львом на поверхности.

— Учётная запись отца должна была быть отключена, — сказал Лев.

— Должна. Но её не отключили. Более того, она получила права администратора через удалённый сервис, установленный ещё до ремонта.

Тамара повернула экран. В списке программ выделялась строчка: AUDIO BRIDGE 5.

— Что это? — спросила Ева.

— Старое средство для многоканальной передачи звука. Оно открывает скрытый порт. Его удалили, но не полностью.

Ева приблизилась.

— Пятый канал.

— Что?

Она открыла копию утёкшего файла в редакторе. На экране появились четыре обычные дорожки: голос, рояль, комнатный микрофон, контрольный тон. Под ними — узкая почти пустая полоса.

— У оборудования Инги было четыре канала, — сказала Ева. — Но программа называет пятым служебный поток. Обычно там таймкод или данные автоматизации.

— Здесь не пусто? — спросил Лев.

— Почти.

Она увеличила масштаб. На частоте выше шестнадцати килогерц шла тонкая линия, слишком ровная для шума.

Ева включила воспроизведение. Ничего не услышала, кроме собственного звона.

— Есть что-то? — спросила Мира.

— Для большинства взрослых — нет.

Лев подошёл к пульта.

— Дай.

— Ты всё равно не услышишь такую частоту.

— Аппарат переводит часть высоких частот ниже. Функция частотной компрессии.

Ева посмотрела на него.

— У тебя она включена?

— После последней настройки — да.

Он вставил аппарат в правое ухо. Ева вывела пятый канал отдельно и снизила уровень.

— Скажешь, если неприятно.

— Скажу.

— Не после.

Лев встретил её взгляд.

— Во время.

Она нажала воспроизведение.

Сначала он не двигался. Потом поднял руку.

Ева остановила.

— Больно?

— Нет. Там ритм.

— Какой?

— Не музыка. Короткий, короткий, длинный. Пауза. Длинный, короткий.

Тамара открыла блокнот.

— Азбука Морзе?

— Может быть, — сказал Лев. — Ещё раз.

Они прослушали двадцать секунд. Лев диктовал последовательность. Ева записывала. На третьем повторе он снял аппарат и помассировал ухо.

— Хватит, — сказала она.

— Там ещё половина.

— Сначала перерыв.

— Ева.

— Это не обсуждение.

Он хотел возразить, но Тамара закрыла ноутбук с дорожкой.

— Эксперт по звуку сказала перерыв. В цифровом расследовании её решение имеет силу закона.

— Удобный закон, — пробормотал Лев.

Через десять минут они продолжили короткими отрезками. Получилась строка цифр и букв. Тамара прогнала её через несколько таблиц, затем остановилась.

— Это не Морзе в чистом виде. Начало служит ключом. Посмотрите.

Она заменила группы импульсов символами. На экране появилась фраза:

MATVEY LAST VOICE. FRAME K. SALT SCORE.

Мира прочитала вслух:

— «Последний голос Матвея. Кадр К. Соляная партитура».

— К может быть Костя, — сказал Артём.

Ева смотрела на линию пятого канала.

Инга спрятала сообщение так, что обычный слушатель его не услышал бы. Павел сохранил программу. Кто-то использовал тот же путь, чтобы украсть файл. А обнаружить скрытую дорожку смог человек, у которого слух считали исчезающим.

Лев снял аппарат.

— Забавно.

— Что?

— Впервые поломка оказалась доступом.

Ева не улыбнулась.

— Не называй себя поломкой.

— Я сказал о слухе.

— Я слышала больше.

Он долго смотрел на неё, потом перевёл взгляд на экран.

— В сообщении есть ещё часть.

Тамара кивнула.

— Да. Последние двадцать три секунды не ритм. Там модулированный голос.

— Чей? — спросила Мира.

Ева снова увидела кассетный магнитофон, руки Павла и катушки, которые вращались, пока она говорила: «Мне больно».

— Сейчас узнаем, — сказала она.

ГЛАВА 13. Голос в пустоте

Голос пришлось собирать по слогам.

Пятый канал не содержал обычной речи. Инга пропустила запись через частотный преобразователь, разрежала на фрагменты и спрятала между контрольными импульсами. Тамара восстановила порядок, Ева очищала шум, Лев проверял интонацию там, где алгоритм предлагал два варианта.

К полудню из динамиков прозвучало первое слово:

— Матвей.

Женский голос был низким и усталым.

Лев закрыл глаза.

— Инга.

Ева остановила файл.

— Продолжать?

— Да.

— Не автоматически. Ты можешь выйти.

— Я сказал да.

Она включила следующий фрагмент.

— Матвей записал всё. Не плёнку Даниила. Разговор до пожара. Костя видел отражение, но не понял, что снял. Олег унёс кассету и спрятал там, где соль хранит голоса.

Запись захрипела. Затем Инга произнесла медленнее:

— Не доверяйте Георгию. Он продал Павлу тишину, а Виктору — доступ. Если я не успею, ищите партитуру, в которой море выше крыши.

Дальше пошёл треск.

Ева подняла маркер.

— Ещё есть.

— Слушаем, — сказал Лев.

— Сначала скажи, что ты понял.

Он резко посмотрел на неё.

— Ты теперь будешь проверять моё состояние после каждого предложения Инги?

— Нет. Я проверяю, одинаково ли мы услышали. Это работа.

— Я услышал, что Георгий связан с Волковым. Что Матвей записал разговор. Что Олег Белоусов или Бело...

— Белов, — тихо сказал Артём.

Лев кивнул.

— Олег Белов спрятал кассету. И что Костя снял отражение.

— Хорошо.

— Довольна?

— Нет. Но продолжаем.

Последний фрагмент оказался почти неслышным. Инга говорила далеко от микрофона, словно уже собиралась уходить.

— Лев, если это найдёшь ты, не делай из музыки доказательство, что достоин своего отца. Он не слышал тебя не потому, что ты говорил тихо. И не позволяй никому называть твою боль красивой. Красота не оправдание.

На слове «оправдание» дорожка оборвалась.

В комнате стало слишком тихо.

Лев стоял, опираясь ладонями о край стола. Его аппарат был включён, но Ева не знала, сколько из последней фразы он услышал сам, а сколько прочитал по её лицу.

Мира первой нарушила молчание:

— Запись нужно оформить как доказательство. Сделать копии, хэш, протокол.

— Уже, — сказала Тамара. — Оригинал не трогаем.

Артём сделал шаг к Льву, но остановился, не превращая сочувствие в прикосновение. В этот момент в лице Льва было что-то мальчишеское, однако он не был ребёнком, которого нужно спасать от чужого посмертного послания.

— Хочешь выйти? — спросил Артём.

— Все решили, что мне нужно выйти?

— Я спросил.

— Нет.

Лев снял аппарат, положил на стол и посмотрел на Еву.

— Повтори последнюю фразу.

Она поняла, что он действительно не расслышал.

— Какую часть?

— После отца.

Ева произнесла медленно, не повышая голос:

— «Он не слышал тебя не потому, что ты говорил тихо».

Лев кивнул.

— Дальше.

— «И не позволяй никому называть твою боль красивой. Красота не оправдание».

Он улыбнулся одним углом губ.

— Она бы оценила твою вчерашнюю речь.

— Возможно.

— Вы обе любили формулировать запреты.

— Возможно, потому что мужчины вокруг вас считали любую границу предложением для торга.

Мира кашлянула.

— Я пойду составлять ходатайство.

Артём последовал за ней. Тамара забрала ноутбук в соседнее помещение, оставив им копию текста. Ева подозревала, что все трое сделали это намеренно, и была им за это не благодарна.

Лев сел.

— Она умерла восемь лет назад, — сказал он. — Я думал, что уже услышал всё, что мог.

Ева не отвечала.

— В последние месяцы Инга почти не говорила. Ей было трудно дышать. Я приезжал, включал музыку, рассказывал о работе. Она смотрела на меня и иногда кивала. Теперь выясняется, что самые важные слова она оставила в файле, который я мог никогда не найти.

— Может быть, не могла сказать их лицом к лицу.

— Это семейная традиция.

Он взял распечатку.

— «Не делай из музыки доказательство, что достоин отца». Удобно говорить после смерти.

— Очень.

Лев поднял взгляд.

— Ты не будешь защищать её?

— Почему должна?

— Люди любят защищать мёртвых. С ними безопасно соглашаться.

— Я не знала Ингу достаточно хорошо. Но знаю, каково получить правильные слова слишком поздно. Они могут быть правдой и всё равно злить.

— Ты о Соне?

Ева посмотрела на пульт.

— О себе.

Он ждал.

Она могла рассказать про ключ сейчас. Про ревность семнадцатилетней девочки, про двадцать минут в наушниках, про то, как Павел превратил её слух в инструмент. Слова уже стояли у горла.

Но Тамара вернулась с распечаткой карты частот.

— У нас ещё одна проблема, — сказала она. — Скрытый канал использовался не только для сообщения Инги. В конце есть цифровая подпись устройства, с которого файл выгрузили.

— Чьего? — спросил Лев.

— Оно зарегистрировано на студию Маркина. Но подключалось через внутреннюю сеть «Люмена».

— Значит, у него здесь человек, — сказала Ева.

— Или устройство оставили заранее.

Тамара показала маленькую схему.

— Сигнал пришёл из старого кабельного тоннеля под сценой. Во время ремонта его должны были замуровать.

Артём вернулся как раз на последних словах.

— Не замуровали, — сказал он. — Оставили технический доступ к фундаменту. Но туда можно попасть только из оркестровой ямы.

Лев посмотрел на тёмный зал.

— Значит, кто-то был здесь во время показа.

Сцена казалась пустой. Под ней, за новым деревом и свежей краской, оставался старый проход, по которому восемнадцать лет назад мог уйти человек с записью Матвея.

Ева включила рабочий свет.

— Покажешь тоннель?

Артём покачал головой.

— Сначала охрана и полиция.

— Мы потеряем след.

— А если там человек, потеряем кого-нибудь из вас.

Лев вставил аппарат.

— На этот раз инженер прав.

Ева посмотрела на него.

— Ты удивительно быстро учишься.

— Не привыкай.

Из глубины сцены донёсся короткий металлический стук.

Все замолчали.

Звук повторился — три раза, с одинаковым интервалом.

Не случайность.

Кто-то в тоннеле тоже слушал.

ГЛАВА 14. Партитура из соли

Полиция вошла в кабельный тоннель через двадцать минут.

Нашли пустой рюкзак, аккумуляторный передатчик и следы свежей грязи. Человек ушёл через вентиляционный люк во дворе, пока они спорили, стоит ли открывать проход.

— Иногда осторожность действительно даёт преступнику фору, — сказала Ева Артёму.

— Иногда она оставляет нас живыми, чтобы мы могли сожалеть, — ответил он.

Передатчик оказался дешёвым, купленным за наличные. На корпусе не было отпечатков. Но в рюкзаке лежала распечатанная страница партитуры Инги. Бумага пропиталась влагой, чернила поплыли, а на полях белели кристаллы.

Тамара коснулась их перчаткой.

— Соль.

Лев наклонился над листом.

— Слишком буквально.

— Люди часто прячут сложное за буквальным, — сказала Ева.

Партитура называлась «Граница ветра». Ноты были знакомы Льву: мать написала пьесу для камерного ансамбля в девяносто девятом, но никогда не публиковала. В архиве сохранились только первые две страницы.

На найденном листе такты начинались с номера сорок один.

— Между ними пропасть, — сказал он. — Где остальное?

Ева поднесла бумагу к свету. Водяной знак изображал башню и волну.

— Это не обычная нотная бумага.

Лариса, которую вызвали в «Люмен», узнала знак сразу.

— Valgus, — сказала она. — Эстонская студия. Инга записывалась там до знакомства с Павлом. Потом они закрылись.

— Архив не закрыт, — возразила Ева. — Мы были там осенью. Именно оттуда привезли коробки.

— Вы были в городском хранилище, — сказала Лариса. — А старая студия находилась на острове. Павел рассказывал, что часть оборудования оставили в радиорелейной станции.

Тамара открыла карту.

— Найссаар. Остров в Финском заливе, недалеко от Таллина. Военные сооружения, маяк, бывшие мины, туристические маршруты.

— «Где море выше крыши», — сказала Ева.

Лев провёл пальцем над нотами, не касаясь бумаги.

— В пьесе нет случайных длительностей. Инга любила числа. Номера тактов, паузы, интервалы.

Они перенесли партитуру на экран. Ева выписала длительности пауз. Лев — высоты первых нот каждого такта. Получилось две последовательности чисел.

— Координаты, — сказала Тамара через несколько минут. — Пятьдесят девять градусов... да. Точка на Найссааре.

На спутниковом снимке стояло длинное низкое здание рядом с остатками радиобашни.

— Соляная партитура, — произнесла Мира. — Инга оставила маршрут.

— Или тот, кто подкинул лист, хочет, чтобы мы туда поехали, — сказал Артём.

— Маркин? — спросила Ева.

— Если сообщение предупреждает не доверять ему, слишком удобно предположить, что он сам ведёт нас в ловушку.

Лев откинулся на спинку стула.

— И слишком удобно никуда не ехать.

Мира посмотрела на часы.

— Судебный запрет не позволяет нам перемещать спорные оригиналы без уведомления. Но поездка к возможному хранилищу не запрещена. Я запрошу доступ через эстонского архивного оператора и полицию. Никто не едет самовольно.

— Ты сейчас смотришь на меня, — сказал Лев.

— Потому что у тебя лицо человека, который уже купил билет.

— Билет у меня открыт.

— Отмени.

— Я не ребёнок.

— Именно поэтому отвечаешь за последствия.

Ева наблюдала, как он сдерживает привычную реакцию — превратить требование в нападение, а нападение в повод сделать наоборот. Через несколько секунд он достал телефон и отменил бронь.

— Довольны?

— Нет, — сказала Мира. — Но это полезнее.

Лариса всё ещё смотрела на партитуру.

— Инга боялась воды, — произнесла она.

— Она работала на острове, — сказал Лев.

— Именно поэтому я удивилась, когда узнала. Она говорила, что море удобно: оно окружает и никого не пускает без разрешения.

— Похоже на Ингу.

— Похоже на нас всех.

Лариса провела пальцем по фотографии водяного знака.

— Был ещё человек. Рина Саар. Звукоинженер. Инга называла её единственной женщиной, которая слышит паузу, а не ждёт, когда она закончится.

Ева записала имя.

— Она жива?

— Не знаю. Когда Павел выкупал архив, Рина отказалась отдавать часть плёнок. Сказала, что договор Инги разрешает передачу только после «правильного исполнения».

— Что это значит?

— Никто не понял.

Лев усмехнулся.

— Посмертные условия. Ещё одна семейная традиция.

Лариса посмотрела на него устало.

— Ты можешь ненавидеть мать и всё равно искать её музыку.

— Спасибо за разрешение.

— Я не разрешаю. Я напоминаю, что две вещи могут быть правдой одновременно.

Она ушла раньше остальных.

К вечеру Мира получила предварительный ответ: доступ к островному объекту возможен через три недели, после проверки безопасности. Рина Саар значилась хранителем частного фонда и жила в Таллине.

— Три недели? — Лев встал. — За это время Маркин вывезет всё.

— Он не знает координат, — сказала Ева.

— Его человек оставил партитуру под сценой.

— Или его человек потерял её.

— Ты действительно веришь в такую удачу?

— Нет. Я верю, что мы пока не понимаем, кто ведёт кого.

Лев подошёл к окну. Вечерний снег отражал вывеску «ЛЮМЕН», и казалось, что буквы лежат на земле.

— Мне не хватит трёх недель, — сказал он.

— До чего?

Он не ответил сразу.

— До следующего обследования.

Ева почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Когда оно?

— Через десять дней.

— И что должен показать результат?

— Скорость.

— Какую?

— Падения.

Он говорил спокойно, но пальцы на подоконнике дрожали.

Ева могла спросить больше. Могла начать считать дни за него. Вместо этого сказала:

— Тогда за эти десять дней найдём Рину и выясним, что хранится на острове. Но не поедем без разрешения.

Лев повернулся.

— Это предложение работать вместе?

— Это предложение искать факты.

— Без моей симфонии?

— Без твоих похорон.

Он кивнул.

— Договорились.

На экране карты точка на острове мигала у самого моря.

Под ней Тамара нашла подпись старого объекта: АКУСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ №

3.

Ева прочитала и услышала, как её внутренний звон становится громче.

ГЛАВА 15. Комната без эха

Рину Саар нашли через два дня.

Она ответила на письмо одной строкой: «Прежде чем говорить о записях Инги, вы должны доказать, что умеете слушать отсутствие звука».

К письму был приложен адрес акустического института в Ладожске и номер брони на безэховую камеру.

— Это проверка или издевательство? — спросил Лев.

— У хорошей проверки есть элементы издеательства, — сказала Ева.

Она знала, что такое безэховая камера. Стены и потолок покрывали клинья поглощающего материала; подвесной пол не отражал шаги; вентиляция работала за пределами помещения. Внутри человек переставал слышать комнату и начинал слышать себя: кровь, суставы, дыхание.

Ева никогда не входила в такую камеру дольше чем на минуту.

Сотрудник института объяснил правила:

— Десять минут. Сигнал рукой — откроем. Свет останется. Никаких телефонов. Рина просила, чтобы вы вошли вдвоём.

— Она наблюдает? — спросил Лев.

— Запись видео без звука. После даст инструкции.

Ева посмотрела через стекло на серые клинья.

— Я могу пройти одна.

— Письмо было двоим, — сказал Лев.

— Тебе не нужно доказывать...

— Не начинай.

Она остановилась.

— Хорошо. Но если кто-то просит открыть, открывают. Без вопроса «ещё минуту?».

— Согласен.

Внутри дверь закрылась мягко, почти без щелчка.

Сначала Ева слышала звон.

Он всегда был с ней, но обычно существовал среди других звуков. Здесь он занял всё пространство. Высокая нота расширилась, обрела края, словно комната была построена из неё.

Лев стоял в двух метрах. Его губы двигались.

— Что? — спросила Ева.

Он повторил. Голос звучал странно: сухо, близко, без хвоста.

— Я спросил, нормально ли.

— Да.

Через минуту она слышала собственное сердце. Через две — щелчок в челюсти, движение языка, кровь в шее. Звон становился громче всякий раз, когда она пыталась проверить, не усилился ли он.

Лев снял аппарат.

— Зачем? — спросила она.

— Устал от шума схемы.

Ева не поняла, что он сказал. Прочитала по губам только «устал».

— Надень.

— Что?

— Надень обратно.

Он нахмурился, не слыша.

Она показала на ухо. Лев покачал головой.

Комната сузилась.

Ева знала: дверь в трёх шагах. За стеклом сотрудник. Нужно поднять руку. Но тело вспомнило другую комнату — кабинет театра, наушники, голос Павла: «Сосредоточься». Тогда её «мне больно» не открыло дверь. Теперь рука не поднималась.

Дыхание стало быстрым. Звон раздвоился.

Лев заметил.

Он не надел аппарат. Не подошёл сразу. Сел на сетчатый пол и положил ладонь рядом с собой, оставив расстояние.

Ева смотрела на него.

Лев постучал пальцами по металлической раме: один раз, пауза, два раза. В безэховой камере звук не расходился, но вибрация дошла через пол к её подошвам.

Он повторил.

Один. Пауза. Два.

Не команда дышать. Не просьба успокоиться. Просто ритм, который находился снаружи её головы.

Ева села напротив.

Лев указал на свою руку, потом вопросительно на её.

Она поняла: можно ли коснуться?

Кивнула.

Он положил два пальца на её запястье. Не считал пульс демонстративно, не говорил, что всё хорошо. Продолжал стучать другой рукой по раме. Ева стала дышать между ударами.

Когда смогла, подняла ладонь.

Дверь открыли немедленно.

Обычный коридор обрушился на неё вентиляцией, шагами, голосами. Ева прижалась спиной к стене. Сотрудник протянул воду.

— Медицинская помощь?

— Нет. Спасибо.

Лев вставил аппарат.

— Почему не сказала до входа?

Она сделала глоток.

— Потому что думала, что смогу.

— Ты знала, что так бывает?

— Знала, что не люблю безэховые комнаты.

— Это не «не люблю».

— Не называй за меня.

Он сжал губы.

— Хорошо.

Сотрудник принёс планшет. На экране появилась пожилая женщина с короткими серебряными волосами. Рина Саар сидела в мастерской среди катушек.

— Вы вышли на шестой минуте, — сказала она по-русски с мягким акцентом. — Инга выдержала четыре. Павел — сорок секунд. Георгий отказался входить.

Ева вытерла ладони о брюки.

— Это был тест на выносливость?

— Нет. На право остановить. Большинство людей думает, что слушать — значит терпеть до конца. Инга научилась выходить. Павел — нет.

— Мы можем поговорить об архиве? — спросил Лев.

Рина посмотрела на него.

— Вы сняли аппарат, когда женщине рядом стало плохо.

— Я не знал.

— Но увидели.

— Да.

— И не пытались заставить её остаться.

— Нет.

— Значит, можете приехать в Таллин. Остров пока закрыт льдом и штормами. Сначала студия Valgus.

— Что вы храните? — спросила Ева.

— То, что Инга не доверила мужчинам, которые называли владение любовью.

Экран погас.

Лев помог Еве подняться, но только после того, как она протянула руку первой.

В машине они долго молчали.

— Спасибо, — сказала она наконец.

— За что именно?

— За то, что не говорил «успокойся».

— Я не слышал достаточно, чтобы говорить умные вещи.

— Возможно, поэтому получилось.

Он посмотрел в окно.

— Я испугался.

— Я тоже.

— Не камеры.

Ева поняла.

— Это не делает тебя ответственным за мой звон.

— А тебя — за мой слух.

— Запомни эту фразу.

— Запиши в договор.

Она впервые за несколько дней улыбнулась.

Лев тоже, но почти сразу стал серьёзным.

— В камере ты смотрела на меня так, будто я исчез.

— Ты снял аппарат и перестал отвечать. На секунду мне показалось, что я снова говорю, а никто не считает это достаточным.

— Кто не считал?

Ева увидела пианино, ключ между молоточками и Павла у магнитофона.

— Расскажу, — сказала она. — Но не сегодня.

Лев кивнул.

И не потребовал срока.

ГЛАВА 16. Не жалость

Они остановились у набережной, потому что Лев попросил водителя высадить их раньше. Снег шёл мокрый, почти весенний. На реке лежал тонкий лёд, и под ним двигалась чёрная вода.

— Мне нужно пройтись, — сказал он.

— Я могу поехать дальше.

— Можешь пройтись рядом. Не из заботы. Мне нужен человек, который слышал запись. Ева вышла.

Они шли вдоль пустых киосков. Лев держался с её правой стороны — так его лучшее ухо было обращено к ней. Раньше она автоматически перестраивалась под людей, не называя это. Теперь заметила.

— Когда я был ребёнком, — сказал он, — мама заставляла меня угадывать инструменты с закрытыми глазами. Не для игры. Для дисциплины. Она нажимала одну ноту и ждала. Если ошибался, повторяла громче.

— Помогало?

— Я научился бояться ошибки раньше, чем слышать звук.

— А Павел?

— Приходил после занятий и говорил, что у меня абсолютный слух. Будто это отменяло то, как я его получил.

Ева провела ладонью по мокрым перилам.

— Люди любят результат. Он позволяет не смотреть на цену.

— Ты поэтому работаешь со звуком?

— Частично. В шуме нет морали. Его можно измерить, отфильтровать, оставить. Он не обижается, если называешь лишним.

— Люди обижаются.

— Особенно когда слышат правду о собственной громкости.

Лев остановился.

— В камере я не хотел снимать аппарат назло. Иногда без него легче. Не тише — проще. Нет искажений, обрывков, голосов, которые алгоритм делает одинаковыми.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь технически.

Ева почувствовала раздражение, но не ответила сразу.

— Верно. Я не знаю, каково это тебе.

Он будто ожидал спора и теперь не знал, куда деть готовую защиту.

— Обычно люди говорят, что понимают.

— Это быстрый способ закончить разговор.

Они дошли до лестницы к воде. Лев сел на верхнюю ступень, Ева рядом.

— Когда диагноз подтвердили, — сказал он, — знакомая прислала мне статью о Бетховене. Потом ещё трое. Как будто глухота обязана производить шедевр, иначе потрачена зря.

— Красивое страдание удобно тем, кто не страдает.

— Инга сказала почти то же.

— Поздно.

— Да.

Лев повернулся к ней.

— Почему ты никогда не говоришь «мне жаль»?

— Потому что чаще всего это сокращение от «я не знаю, что делать с твоей болью, поэтому предлагаю тебе принять мою печаль».

— Жестоко.

— Иногда я говорю.

— Когда?

— Когда действительно жаль, а не когда хочется выглядеть доброй.

— Тебе меня не жаль?

Ева посмотрела на его лицо. На усталость под глазами, на аппарат, почти скрытый волосами, на руки композитора, который боялся утра после последней ноты.

— Мне жаль, что ты теряешь то, что любишь. Но я не считаю тебя жалким.

Лев отвёл взгляд к реке.

— Это опасная формулировка.

— Почему?

— Потому что я почти поверил.

Ветер донёс колокольный звон. Ева слышала его под собственным тоном, будто две несовместимые частоты на секунду совпали.

— А тебе меня жаль? — спросила она.

— Из-за тиннитуса?

— Из-за комнаты.

— Мне жаль, что тебе пришлось просить остановить и тебя не услышали.

Она повернулась.

— Я не рассказывала.

— Рассказала глазами.

— Ты часто переоцениваешь себя.

— Значит, ошибся?

Ева могла отступить. Но в безэховой камере он не требовал объяснений. На набережной тоже ждал.

— После пожара Павел дал мне запись Сони, — сказала она. — Я слышала только звон. Он заставлял слушать, пока я не смогу разобрать слова. Я говорила, что больно. Он отвечал: Соня пропала.

— Сколько тебе было?

— Семнадцать.

— Мой отец...

— Не делай его только своим. Он был разным для всех.

Лев сжал кулаки.

— И ты всё равно спасала его кинотеатр.

— Я спасала не его.

— Но сохранила запись.

— Да.

— И стала звукорежиссёром.

— Да.

— Значит, он победил?

Ева посмотрела на него резко.

— Нет. То, что я сделала из раны профессию, не делает рану подарком. Не перепутай.

Лев замер.

— Прости.

Он произнёс это без защиты.

— Хорошо.

— Хорошо, что простила?

— Хорошо, что остановился.

Между ними осталось расстояние в несколько сантиметров. Ева чувствовала тепло его плеча. Лев поднял руку, но не коснулся.

— Можно? — спросил он.

Она знала, что вопрос не только о прикосновении. Кивнула.

Он провёл большим пальцем по её щеке, стирая растаявшую снежинку. Движение было таким осторожным, что Ева почти рассердилась — не на него, а на собственное желание сократить расстояние.

Лев наклонился. Она тоже.

Телефон в его кармане завибрировал.

Он выругался и достал его. На экране высветилось имя врача.

— Ответь, — сказала Ева.

— Можно потом.

— Лев.

Он принял вызов и отошёл на несколько шагов. Слушал, повернув голову. Несколько раз переспросил. Ева не пыталась читать по губам.

Когда вернулся, лицо стало закрытым.

— Обследование перенесли на завтра, — сказал он.

— Почему?

— Освободилось окно.

— Ты пойдёшь?

— Да.

— Хочешь, чтобы кто-то был рядом?

— Нет.

Слишком быстро.

Ева кивнула.

— Хорошо.

Он ждал, что она станет убеждать. Не дождался.

— Просто хорошо?

— Ты ответил.

— А если я сказал из страха?

— Тогда можешь изменить ответ.

Лев посмотрел на реку.

— Я сообщу результат.

— Когда будешь готов.

Они пошли обратно. Незавершённый поцелуй остался у лестницы, но не исчез. Он существовал как пауза, которую ни один из них не обязан был заполнять немедленно.

ГЛАВА 17. Ошибка в аудиограмме

На обследование Лев пришёл один.

Клиника находилась в новом стеклянном здании, где всё было рассчитано на людей, не желающих чувствовать себя больными: кофе в холле, кресла как в гостинице, на стенах фотографии леса. В кабинете сурдолога пахло пластиком и дезинфекцией.

Доктор Веденеева знала его пять лет и не пыталась говорить мягче, чем требовали факты.

— Правое ухо потеряло ещё двенадцать децибел на речевых частотах, — сказала она. — Левое — семь. Разборчивость речи справа упала до шестидесяти двух процентов с аппаратом.

Лев смотрел на красные и синие линии.

— Скорость?

— Выше, чем в предыдущие полгода.

— Сколько времени до...

— Нет точной даты. Может стабилизироваться. Может продолжить.

— Концерт через два месяца.

— Я рекомендую ограничить акустическую нагрузку уже сейчас. Не больше сорока минут непрерывной репетиции, уровень не выше восьмидесяти пяти децибел, обязательные паузы.

— Оркестр не работает по сорок минут.

— Ваш внутренний слух не исчезнет вместе с периферическим.

— Не нужно утешать профессиональными банальностями.

— Я не утешаю. Я объясняю, что задача меняется.

Веденеева распечатала заключение в двух экземплярах.

— Один для вас. Второй для медицинской комиссии площадки, если они запросят.

— Это конфиденциально.

— Диагноз — да. Но организатор публичного мероприятия вправе требовать подтверждение способности безопасно выполнять работу, если вы сами указали ограничения в страховом договоре.

Лев вспомнил, как подписывал документы не читая. Тогда слух был лучше, а концерт казался далёким.

— Можно сформулировать без процентов?

— Можно указать функциональные рекомендации. Но я не буду занижать риск.

Он забрал бумаги.

В машине прочитал заключение трижды. Внизу стояла фраза: «В связи с прогрессирующим снижением слуха пациенту не рекомендуется самостоятельное управление репетиционным процессом без ассистента по слуховому контролю».

Ассистент.

Слово было точным и невыносимым.

Он открыл документ на телефоне, который нужно было загрузить в систему «Люмена». Страница с рекомендациями лежала отдельно. Лев сфотографировал первую, где были диагноз и параметры аппарата, а вторую не добавил.

Это не ложь, сказал он себе. Комиссия просила подтверждение наблюдения, а не полный протокол.

Вечером он пришёл в зал раньше всех. Ева настраивала тестовые колонки.

— Как прошло? — спросила она.

— Без сюрпризов.

Она замерла на секунду.

— Это хороший ответ или способ не отвечать?

— Результат подтвердил прогрессирующее. Врач скорректировала аппарат.

— Есть новые ограничения?

— Стандартные.

— Какие?

— Паузы, уровни, контроль.

Ева повернулась к нему полностью.

— Конкретно.

— Ты теперь комиссия?

— Нет. Звукорежиссёр, который отвечает за уровень на площадке.

— Не выше восьмидесяти пяти. Сорок минут с перерывами.

— Ещё?

Лев почувствовал, как бумага во внутреннем кармане становится тяжёлой.

— Ничего существенного.

Ева смотрела несколько секунд, затем кивнула.

— Тогда составлю график.

Он почти испытал облегчение.

Репетиция прошла тихо. Струнные играли без медных, ударные заменили метрономом.

Через сорок минут Ева остановила всех, хотя дирижёр просил закончить часть.

Лев вышел в коридор. Аппарат шипел после резких звуков, но голоса он различал.

Мира догнала его у лестницы.

— Медицинская комиссия отклонила файл, — сказала она. — Не хватает второй страницы.

— Откуда они знают?

— Нумерация: «1 из 2».

Лев выругался.

— Я загружу.

— Сейчас.

— Я сам.

Мира посмотрела на него тем взглядом, которым обычно читала договоры с пропущенными абзацами.

— Ты скрыл страницу намеренно?

— Не твоё дело.

— Если из-за этого отменяют мероприятие, моё.

Ева вышла из зала.

— Что случилось?

— Ничего, — сказал Лев.

Мира ответила одновременно:

— Он не загрузил вторую страницу заключения.

Ева не спросила почему. Просто протянула руку.

— Покажи.

— Нет.

— Тогда я приостанавливаю репетиции до решения комиссии.

— Ты не имеешь права.

— Имею по техническому регламенту. Без медицинских ограничений я не могу подтвердить безопасные уровни.

— Я назвал ограничения.

— Ты только что доказал, что выбираешь, что сообщать.

Музыканты в зале притихли. Лев чувствовал их внимание сквозь дверь.

— Не устраивай сцену.

— Сцену устроил ты, когда решил, что правила действуют, пока удобны.

Он достал бумагу и вложил ей в руку.

Ева прочитала. Лицо не изменилось.

— Ассистент по слуховому контролю, — сказала она.

— Не ты.

— Я и не предлагала.

Эти слова ударили сильнее, чем если бы она немедленно взяла на себя роль.

— Комиссия назначит специалиста, — продолжила Ева. — Или мы найдём независимого. Но до этого репетиции остановлены.

— Ты ждала повода отказаться окончательно?

— Нет. Я ждала, что ты соблюдёшь собственное обещание говорить во время, а не после.

Лев выхватил заключение.

— Я не обещал отдавать тебе медицинскую карту.

— И не должен. Ты должен был сообщить функциональные ограничения. Сам решил не делать этого.

Он ушёл, не попрощавшись.

В машине телефон показал сообщение от комиссии: «На основании полного заключения очная работа дирижёра приостановлена до проведения функциональной оценки».

Следом пришло письмо от продюсера концертной площадки.

Февральская дата отменена.

Лев прочитал дважды. Потом выключил аппарат.

Мир исчез не полностью. Остался глухой стук сердца и вибрация мотора.

В этой почти тишине было легче убедить себя, что виновата Ева.

ГЛАВА 18. Дневник слуха

Врач попросила Льва вести дневник.

Не «что услышал», а условия: время, нагрузка, программа аппарата, усталость, боль, разборчивость речи. Лев превратил таблицу в партитуру уже на второй день. Низкие частоты обозначил басовым ключом, провалы — пустыми тактами, звон — красными точками.

— Это медицинский документ, — сказала Ева.

— И мой.

— Врач не обязана читать нотную систему.

— Добавлю легенду.

Он показывал дневник не каждый день. Иногда присылал только строку: «Разговор в кафе — шесть из десяти. Музыка — три. Усталость — восемь». Ева отвечала нейтрально, хотя внутри строила прогнозы.

На четвёртый день Лев записал: «Голос Евы по телефону — не разобрал половину». Ниже добавил: «Не говорить ей, чтобы не начала исправлять».

Потом зачеркнул последнюю фразу, сфотографировал страницу и отправил целиком.

Ева позвонила по видео.

— Что ты хочешь от меня после этой записи?

— Ничего. Сообщить факт.

— Я хочу предложить текстовый канал.

— Можешь предложить.

— Хочешь?

— Для важных разговоров — да. Но не хочу, чтобы мы перестали звонить голосом только из страха ошибки.

— Тогда будем уточнять.

На следующей странице он написал: «Видео с субтитрами — восемь. Раздражение от задержки — девять. Разговор всё равно состоялся».

Через неделю дневник начал пугать. Цифры показывали снижение неравномерно, но Лев видел в каждой плохой строке направление к концу. Он пропустил два дня.

— Почему? — спросила врач.

— Не хочу превращать жизнь в график утраты.

— Тогда фиксируйте не только слух.

Она предложила добавить столбец «что было важно». Лев сопротивлялся, потом написал:

«Не разобрал музыку в магазине. Важно: попросил убавить, не ушёл».

«Снял аппарат на час. Важно: продолжил обсуждение письменно».

«Голос Евы — четыре. Важно: попросил повторить трижды, она повторила».

Дневник перестал быть обратным отсчётом. Он не скрывал потери, но рядом с ней фиксировал действия, выбор и доступ.

Однажды Ева увидела строку:

«Звонок от неё ночью. Слов почти не понял. Важно: она позвонила не по работе».

— Это про ту ночь? — спросила.

— Да.

— Можно я сохранию копию?

— Зачем?

— Не как архив. Для себя.

Лев подумал.

— Только эту строку. Без медицинских данных.

Он переписал её на отдельный лист.

Дневник слуха оставался его документом. Даже любовь получала доступ не ко всему, а к той части, которую человек решил передать.

ГЛАВА 19. Отменённый концерт

Новость появилась в сети раньше, чем Лев успел позвонить кому-либо.

«Композитор Лев Громов отменяет премьеру из-за стремительной потери слуха».

Под заголовком стояла фотография, на которой он дирижировал с закрытыми глазами. Текст называл концерт «последней попыткой услышать собственную музыку» и цитировал неназванный источник, знакомый с медицинским заключением.

Ева увидела публикацию в аппаратной.

Первой мыслью было проверить, не попала ли в текст точная информация. Попала: проценты разборчивости речи, ограничения по времени, рекомендация ассистента. Эти данные знал врач, комиссия, Мира — и теперь она.

Второй мыслью было, что Лев решит: источник она.

Телефон зазвонил сразу.

— Это ты? — спросил он без приветствия.

— Нет.

— Кто ещё прочитал страницу?

— Комиссия. Мира. Я. Возможно, система площадки.

— Ты разговаривала с журналистами?

— Нет.

— Даже чтобы объяснить, почему сняла репетицию?

— Нет.

— Я должен поверить?

Ева почувствовала знакомое желание говорить громче, точнее, убедительнее. Доказать правду так, чтобы другой человек не имел права сомневаться.

— Ты не должен, — сказала она. — Тамара проверит журнал доступа. Я сохраню телефон и переписку. До результата обсуждать не буду.

— Удобно.

— Безопасно для фактов.

— Ты добила своего. Концерта нет.

— Я добивалась правил, а не отмены.

— Разница важна тебе.

— И должна быть важна тебе.

Он отключился.

Через час приехала Лариса. Она вошла в кабинет Евы, закрыла дверь и положила на стол распечатку статьи.

— Я отправила заключение комиссии, — сказала она.

— У вас была копия?

— Врач прислала мне как контактному лицу. Лев не обновил данные после смерти Инги.

— Вы передали журналистам?

— Нет. Я подала официальное уведомление в страховую компанию, потому что он собирался работать без ограничений. Страховая могла переслать площадке.

— Зачем не сказали ему?

Лариса села.

— Потому что он бы запретил. А я устала спрашивать разрешение защитить сына.

— Возможно, потому что он взрослый.

— Взрослые тоже умирают от упрямства.

— Слух не вернётся от контроля.

— Но он хотя бы не потеряет остаток за один вечер.

Ева посмотрела на женщину напротив. Лариса любила Льва, в этом не было сомнения. И именно поэтому превращала любовь в право действовать за него.

— Вы сделали то же, что Павел делал со всеми, — сказала Ева. — Решили, что цель важнее согласия.

Лариса побледнела.

— Не сравнивайте.

— Разница в масштабе, не в механизме.

— Вы молоды и любите чистые принципы.

— Мне тридцать пять.

— Для материнского страха это молодость.

— А для ответственности — достаточно.

Лариса встала.

— Скажите ему сами.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это ваше действие.

— Он не станет со мной говорить.

— Тогда это последствие.

Лариса ушла, оставив статью.

Тамара к вечеру подтвердила: утечка произошла из системы страховой компании. Сотрудник переслал документ на личную почту, а оттуда файл ушёл в редакцию, которая раньше публиковала материалы Маркина. Прямой связи пока не было, но цепочка становилась знакомой.

Ева отправила Льву короткое сообщение:

«Источник — не я. Первичную передачу в страховую сделала Лариса. Утечка через сотрудника, связанного с редакцией. Тамара готовит протокол».

Он прочитал и не ответил.

Вечером Ева пришла в пустой зал. Отменённая дата оставила дыру в календаре и бюджете. Музыкантам нужно было платить компенсацию. Судебный спор продолжался. Маркин получил идеальный заголовок.

Лев сидел в пятом ряду. Аппарат лежал рядом.

Ева остановилась в проходе.

— Я могу сесть?

Он посмотрел на неё и кивнул.

Она выбрала кресло через одно, чтобы ему не приходилось слышать прикосновение как требование.

— Я обвинил тебя, — сказал он.

— Да.

— Ты могла сказать про мать раньше.

— Узнала после звонка.

— Могла защищаться сильнее.

— Это не сделало бы меня правдивее.

Лев провёл ладонью по лицу.

— Я хотел, чтобы это была ты.

Ева повернулась.

— Почему?

— Тогда можно было бы злиться на тебя. Проще, чем на мать. И проще, чем на себя.

— За вторую страницу?

— За всё. Я думал, если концерт состоится, время подчинится дате. До февраля я ещё композитор. После — что угодно. А теперь дату забрали, и я не знаю, где граница.

— Её никогда не было.

— Знаю.

Он вставил аппарат, поморщился от короткого писка.

— Прости, что не поверил.

Ева слушала не только слова. Он не добавил «но», не объяснил, почему имел право.

— Я принимаю извинение, — сказала она. — Но доверие не возвращается вместе с ним.

— Что нужно?

— Повторение. Ты говоришь правду о том, что влияет на общую работу. Я не использую диагноз, чтобы управлять тобой. Мы оба можем остановить процесс. Ни один не обещает спасти другого.

— Звучит как контракт.

— Нам полезны контракты.

— И что получаем взамен?

— Возможность закончить музыку не ценой человека.

Лев посмотрел на сцену.

— Февраль потерян.

— Значит, будет другая дата. Или не будет концерта. Но музыка не обязана совпасть с афишей.

Он долго молчал.

— Рина прислала билеты в Таллин, — сказал наконец. — На послезавтра.

— Разрешение Миры?

— Уже запрошено.

— И медицинские ограничения?

— Загружены полностью.

Ева кивнула.

— Тогда поедem.

— Вместе?

— Работать.

— Только работать?

Она вспомнила незавершённый поцелуй у реки.

— Пока ты задаёшь вопрос как условие, только работать.

Лев почти улыбнулся.

— Понял.

— Не уверена.

— Придётся повторять.

Это было именно то слово, которое она выбрала для доверия.

ГЛАВА 20. Договор без обещаний

Договор они писали ночью на сцене.

Мира подготовила юридическую часть: права на архив, ответственность за оборудование, режим доступа, медицинские ограничения, конфиденциальность. Ева добавила технический регламент. Лев зачеркнул половину формулировок как «написанных людьми, которые никогда не стояли перед оркестром».

— Оркестр не отменяет трудовое право, — сказала Мира.

— Трудовое право не понимает фермат.

— Фермата не освобождает от обязанности сделать перерыв.

Артём принёс кофе и ушёл проверять вентиляцию. Тамара подключила к документу журнал версий, чтобы никто не мог незаметно удалить страницу. К полуночи официальный договор был готов.

Но Ева положила рядом чистый лист.

— Это что? — спросил Лев.

— Наши правила.

— В официальном документе двадцать семь страниц правил.

— Там нет главного.

Она написала первое предложение:

Мы не называем страх решением.

Лев прочитал.

— Субъективно.

— Очень.

— Как определить?

— Спросить: если бы страха не было, решение осталось бы тем же?

— Иногда страх разумен.

— Тогда называем его страхом и учитываем.

Он взял ручку и добавил:

Никто не обязан быть переводчиком другого человека круглосуточно.

Ева посмотрела на него.

— Это обо мне?

— О тебе, аппарате, ассистенте и всех, кто решит, что любовь измеряется количеством повторённых фраз.

Она написала:

Просьба повторить не является слабостью. Отказ повторить может быть границей, но должен быть назван.

Лев дописал:

Медицинская информация принадлежит человеку. Функциональные ограничения — команде, если влияют на её безопасность.

— Хорошо, — сказала Ева.

— Я умею учиться.

— Медленно.

— Ты тоже.

Она не стала спорить.

Пятый пункт появился после долгого молчания:

Мы не обещаем исцелить, вернуть слух, убрать звон или сделать прошлое справедливым.

Лев постучал ручкой по бумаге.

— Очень романтично.

— Это рабочий договор.

— Конечно.

— У тебя есть возражение?

— Есть дополнение.

Он написал:

Отсутствие обещания исцелить не означает отсутствие права остаться рядом.

Ева прочитала дважды.

— Это уже не рабочий пункт.

— Тогда вычеркни.

Она не вычеркнула.

За окнами падал снег. В зале горела только лампа на столе, и кресла исчезали за кругом света.

— Есть ещё, — сказала Ева.

Она долго держала ручку над листом.

В 2008 году Ева спрятала ключ Сони намеренно.

Лев перестал улыбаться.

— Что?

— Ключ от шкафа с плёнкой. Соня дала его мне перед показом. Я должна была передать Павлу, если придёт Волков. Я спрятала в пианино.

— Почему?

— Ревновала. К Дане. К Павлу. К тому, что она доверяла всем важное, а со мной говорила только о музыке. Хотела, чтобы она попросила. Потом начался пожар.

Лев отложил ручку.

— Плёнка могла изменить всё?

— Не знаю. Её нашли позже. В ней не было записи нападения. Но из-за ключа Павел потерял время, а я солгала, что забыла.

— Почему говоришь сейчас?

— Потому что собираюсь требовать от тебя не скрывать то, что влияет на других. Я не могу оставить собственную ложь за рамкой.

— Мира знает?

— Да. Остальные — нет.

— Соня?

— Нет.

— Ты должна сказать.

— Знаю.

— Когда?

— Когда Мира согласует безопасный контакт. Не хочу бросить признание в её жизнь ради собственного облегчения.

Лев встал и прошёл к краю сцены. Ева не останавливала.

— Я всю неделю думал, что ты лучше нас, — сказал он.

— Я никогда этого не говорила.

— Ты говорила так, будто умеешь различать правильное и неправильное по форме волны.

— Иногда умею. Иногда нет.

— Из-за твоей ревности могла пропасть улика.

— Да.

— А ты восемнадцать лет работала с архивом, никому не сказав.

— Да.

Он повернулся.

— Почему я не должен уйти?

— Должен, если хочешь.
— Даже не станешь объяснять, что была ребёнком?
— Мне было семнадцать. Это объяснение части поступка, не отмена.
Лев смотрел на неё долго и тяжело. Потом вернулся к столу.
— Добавь восьмой пункт.
Ева подала ручку.
Он написал:
Признание не покупает прощение. Но без признания у прощения нет адреса.
— Я не прощаю сейчас, — сказал он.
— Я не прошу.
— И злюсь.
— Имеешь право.
— Но еду в Таллин.
— Это не связано.
— Всё связано.
Он подписал лист: «Лев Громов».
Ева поставила подпись рядом.
— У этого договора нет срока, — заметил он.
— Он действует, пока мы оба его соблюдаем.
— А если нарушим?
— Называем нарушение. Решаем, можно ли продолжать.
— Никаких вечных обещаний.
— Ни одного.
Лев сложил лист пополам и положил в нотную папку.
— Тогда у нас есть шанс.
— На что?
Он посмотрел на неё, затем на незавершённую партитуру.
— Пока — на следующую страницу.

ГЛАВА 21. Чужой сын

Первое общее совещание после судебного запрета проходило в бывшем кабинете Павла. Стол ещё носил след от его чашки. На стене висела фотография «Люмена» до пожара: белый фасад, очередь к кассе, буквы над входом без копоти. Лев сел спиной к снимку.

Мира разложила документы.

— До решения по правам мы не исполняем музыку Инги публично. Работать с копиями можно в пределах экспертизы. Любое воспроизведение голосов Сони и Алины — только по отдельному согласию.

— А у меня какой статус? — спросил Лев.

— Соавтор восстановления и потенциальный правообладатель.

— Не наследник «Люмена».

Комната замолчала.

Пятеро получили доли от Павла. Лев — квартиру, рояль, письма и ощущение, что отец выбрал чужих детей для общего будущего, а родному оставил личный архив смерти.

Даниил провёл ладонью по столу.

— Мы не просили доли.

— Но приняли.

— Чтобы здание не ушло Волкову.

— Удобная моральная формулировка.

Мира подняла взгляд.

— Ты хочешь оспорить завешание?

— Хочу понять, почему вы все говорите со мной так, будто уже разрешили присутствовать.

Андрей откинулся на спинку стула.

— Потому что ты вошёл сюда с адвокатом Маркина и потребовал архив.

— Я вошёл сюда как сын Павла.

— Именно. Не как человек, который спросил, что пережили остальные.

Лев не разобрал последние слова. Попросил повторить. Андрей повторил громче, и это сделало фразу хуже.

Ева вмешалась:

— Громкость не добавляет ясности.

— Я не с ним спорю о слухе, — сказал Андрей.

— Но используешь невозможность быстро ответить как преимущество.

Лев посмотрел на неё. Она не защищала его правоту. Только равное место в споре.

Костя поставил на стол фотографию. На ней Павел стоял у сцены с шестью подростками. Лев узнал Еву по наушникам на шее, Миру — по слишком серьёзной позе. Себя в кадре не было. В тот год он учился в Москве и считал, что отец занят очередным культурным проектом.

— Он строил с вами семью? — спросил Лев.

Мира ответила первой:

— Нет. Он строил систему молчания. Иногда заботился. Иногда управлял. Часто делал оба действия одновременно.

— А вы всё равно приняли здание.

— Потому что дом не равен человеку, который им владел.

Артём, до этого молчавший, подвинул Льву папку.

— Здесь обследование конструкций. Полный доступ. Без решения совета ты не можешь распоряжаться архивом, но можешь видеть всё, что видим мы, кроме закрытых материалов Сони.

— Почему?

— Потому что иначе мы повторим Павла: решим, какую правду ты способен выдержать. Лев открыл папку. На первой странице стояли подписи всех пятерых.

— Когда вы успели?

— Вчера, — сказала Мира.

— Ева предложила?

— Нет. Я. Ева спорила, что доступ нужно связать с обязательством не публиковать медицинские и личные записи.

— Конечно.

Ева не обиделась.

— И до сих пор так считаю.

Лев прочитал соглашение. В нём не было слова «доверие». Только конкретные ограничения, ответственность за копии, право отказаться от ознакомления и обязанность сообщать об утрате данных.

— Вы предлагаете подписать договор, чтобы считать меня своим?

— Нет, — сказала Мира. — Мы предлагаем договор, потому что своим быть недостаточно.

Фраза ударила точнее обвинения.

Павел считал родство разрешением решать. Инга считала любовь разрешением исчезать ради искусства. Лариса считала брак разрешением хранить чужие документы. Лев всю жизнь требовал особого права на отца и одновременно ненавидел, что отец пользовался таким правом на него.

Он взял ручку.

— Мне нужен экземпляр крупным шрифтом.

— Уже подготовлен, — сказала Ева и достала второй комплект.

— Ты была уверена, что подпишу?

— Нет. Была уверена, что размер шрифта не должен влиять на решение.

Он подписал.

После совещания остальные ушли. Лев задержался у фотографии.

— Я всё ещё злюсь, — сказал он.

Ева встала рядом, не слишком близко.

— На них?

— На всех. На Павла. На себя. Иногда на тебя, потому что ты умеешь выглядеть так, будто знаешь правильную процедуру для любого чувства.

— Не знаю.

— Но выглядишь.

— Это профессиональная деформация.

Он усмехнулся.

— Я чужой сын в чужом наследстве.

— Ты сын Павла. Остальное придётся определить самому.

— А для тебя я кто?

Ева посмотрела на снимок, затем на него.

— Пока человек, с которым я согласилась работать и которому не доверяю полностью.

— Очень тёплый ответ.

— Зато мой.

Лев кивнул.

Впервые это оказалось важнее тепла.

ГЛАВА 22. Частный шум

Они договорились выпить кофе, потому что слово «свидание» казалось слишком большим для сорока минут между обследованием и репетицией.

Ева выбрала маленькую пекарню без фоновой музыки. Лев пришёл раньше, сел у окна и положил аппарат на салфетку.

— Сломался? — спросила она.

— Отдыхаю. Здесь могу читать по губам.

— Я могу писать.

— Не превращай встречу в протокол.

Она сняла пальто.

— Тогда не клади медицинское устройство рядом с сахарницей так, будто проверяешь мою реакцию.

Лев улыбнулся.

— Проверял.

— И?

— Ты спросила о функции, а не сказала, как мне, наверное, тяжело.

— Мне, вероятно, тоже тяжело. Я просто не использую тебя для подтверждения.

Он включил аппарат обратно.

— Честно.

Заказали кофе и булочку на двоих. Ева разрежала её идеально пополам, затем заметила взгляд Льва.

— Что?

— Даже выпечку делишь по справедливости?

— Нет. Себе оставила часть с большим количеством крема.

Он проверил и рассмеялся.

Разговор сначала держался на работе. Потом Лев спросил:

— Что ты слышишь, когда вокруг тихо?

Ева подняла чашку, не отвечая.

— Не медицински. Просто сейчас.

Она прислушалась. Кофемашина выпускала пар. За стеной шли трубы. Ложка ударила о блюдце. Внутри головы держался высокий тон.

— Звон. Холодильник. Твоё дыхание через аппарат чуть металлическое. На улице грузовик. Ещё кто-то трёт подошвой по полу.

— Ты всегда разделяешь?

— Когда устаю. Если назвать внешние звуки, внутренний перестаёт быть единственным.

— Можно попробовать?

— Что?

— Я назову то, что слышу.

Он закрыл глаза.

— Кофемашина. Мужчина у двери говорит по телефону, слов не понимаю. Твоя чашка. Низкий гул вентиляции. Высокое почти пропало.

— А что не слышишь?

Лев открыл глаза.

— Не знаю. В этом проблема.

Ева кивнула.

— Я иногда проверяю запись по лицам других людей. Вижу, что они морщатся, и понимаю: где-то перегруз. Ненавижу зависеть от реакции.

— Потому что могут ошибиться?

— Потому что могут решить, что теперь имеют право управлять.

— Я тоже.

Они замолчали.

Лев достал из кармана сложенный лист. Это была аудиограмма, которую он спрятал от врача проекта. Ева узнала дату — на неделю раньше их первого разговора о диагнозе.

— Зачем принёс?

— Не знаю.

— Тогда не показывай.

Он уже развернул половину, остановился.

— Ты не хочешь знать?

— Хочу. Но не хочу, чтобы ты отдавал документ, потому что боишься потерять моё расположение.

— А если хочу, чтобы ты поняла масштаб?

— Скажи масштаб словами. Бумага останется у тебя.

Лев сложил лист.

— Левое ухо хуже, чем я говорил. Прогноз неопределённый. Может стабилизироваться, может снижаться быстро. Я откладывал повторное обследование, потому что хотел закончить партитуру до того, как кто-то ограничит нагрузку.

— Я злюсь.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Ты ещё не видел, как именно.

— Увидеть сегодня?

Ева посмотрела на часы. До репетиции оставалось двадцать минут.

— Нет. Сегодня я не хочу превращать кофе в наказание. Но разговор будет.

— Хорошо.

— И обследование тоже.

— Это приказ?

— Нет. Условие моего участия в проекте: я не работаю с композитором, скрывающим риски от команды.

— А личного участия?

Вопрос прозвучал тише. Лев, вероятно, сам не был уверен, что произнёс.

Ева положила вилку.

— Оно ещё не оформлено.

— Хорошо.

— Тебя это разочаровывает?

— Да.

— Спасибо, что не назвал ответ разумным.

— Он разумный. Но мне не нравится.

Ева улыбнулась.

Они вышли вместе. У двери Лев остановился.

— Кофе всё-таки был свиданием?

— Сорок минут между обследованием и репетицией.

— Это не ответ.

— Тогда да. Но первое свидание не создаёт право на второе.

— Я подам заявку.

— Без формы.

— Сложно работать с человеком, который меняет требования.

— Привыкай.

На улице шумел снег. Лев слышал только его низкую часть. Ева — слишком много мелких ударов по капюшону. Они шли рядом, не дополняя друг друга до нормы. Просто делили один городской шум.

ГЛАВА 23. Студия Valgus

Паром вышел из Хельсинки до рассвета.

Ева стояла у окна, пока берег превращался в тёмную линию. Море было спокойным, но двигатель передавал в пол низкую вибрацию. Она чувствовала её ступнями и думала о Льве, который спал в кресле напротив, наклонив голову к правому плечу.

В Таллин они ехали не впервые. Осенью они уже провели здесь месяц, разбирая сорок коробок архива Инги. Тогда Лев только начал носить аппарат и раздражался на каждый металлический звук. Ева ещё пересаживалась справа без вопроса. Они находили музыку и учились не превращать помощь в захват.

Теперь они возвращались за тем, что Рина намеренно не дала найти.

Лев проснулся, когда паром качнуло.

— Давно не спишь? — спросил он.

— Час.

— Из-за моря?

— Из-за двигателя. Гудит на частоте моего звона.

Он посмотрел на пол.

— Можно перейти выше.

— Можно. Но там кафе и люди.

— Выбор между внутренним и внешним шумом.

— Как всегда.

Они поднялись на открытую палубу. Ветер сразу выхватил тепло из лица. Лев снял аппарат, чтобы не слышать свист, и написал в телефоне: «Здесь лучше».

Ева кивнула.

Он стоял рядом, не разговаривая. После договора между ними появилось странное облегчение: близость больше не требовала немедленного определения. Они могли молчать без демонстрации обиды и не заполнять паузу обещаниями.

В Таллине их встретил сотрудник архива и отвёз в бывшую студию Valgus. Она находилась не в туристическом центре, а в промышленном квартале у железной дороги. Кирпичное здание сохранило вывеску с выцветшим солнцем. Внутри пахло пылью, деревом и магнитной лентой.

Рина ждала у старого микшерного пульта.

Живую она казалась меньше, чем на экране, но её присутствие заполняло комнату. Серебряные волосы были собраны на затылке, на шее висели наушники 1980-х годов.

— Вы вернулись, — сказала она Еве.

— Вы знали, что вернёмся.

— Я надеялась, что не сразу.

Рина посмотрела на Льва.

— Аппарат новый?

— Настройка новая.

— Снимите.

Он нахмурился.

— Зачем?

— Хочу понять, что вы слышите без него.

— Это не экзамен.

— Нет. Это приглашение отказаться.

Лев посмотрел на Еву. Она не подсказала.

— Я отказываюсь снимать по вашей команде, — сказал он. — Но могу сам решить, когда мешает.

Рина улыбнулась.

— Инга была бы довольна.

— Она слишком часто решала за отсутствующих.

— Поэтому и училась прятать выбор в условиях.

Рина повела их по коридору. Во время предыдущей поездки эта дверь была заперта и обозначена как техническая. Теперь за ней открылась небольшая студия с круглым окном, роялем и двумя магнитофонами. На стене висела фотография: Инга у микрофона, Павел за камерой, Рина у пульта. Все трое молоды и смотрят не друг на друга, а в объектив, будто уже знали, что однажды снимок станет уликой.

— Здесь записывали «Границу ветра»? — спросил Лев.

— Первую версию.

— Где плёнки?

— Не здесь.

— Тогда зачем мы приехали?

Рина положила на стол три катушки.

— Потому что прежде чем получить место хранения, вы должны понять, что именно ищете.

На первой катушке красным карандашом было написано: «ПАВЕЛ — ТИШИНА».

На второй: «АННА И АЛИНА — НЕ ПУБЛИКОВАТЬ».

На третьей: «ЛЕВ — ЕСЛИ ОСТАНОВИТСЯ».

Лев замер.

— Когда это записано?

— Третья катушка не запись. Контейнер.

— Что внутри?

— Решите после первых двух.

Ева осмотрела ленту. Края были целыми, пломбы Рины не нарушены.

— Нам нужно оформить передачу.

— Оформим. Но слушать будете здесь. Копии получите только после того, как выберете, что можно копировать.

— Это не вы решаете, — сказал Лев.

— Пока плёнка в моём фонде — я. После передачи — договор. Инга предусмотрела обоих.

Рина включила первый магнитофон. Ева настроила контрольный тракт, проверила уровень. На плёнке зашуршала пустая комната.

Потом прозвучал голос Павла:

— Я заплатил Маркину не за права. За то, чтобы он перестал искать Сою.

Лев резко поднял голову.

Павел продолжал:

— Он обещал стереть копию списка пассажиров и закрыть доступ Виктора к студийному архиву. Я знал, что обещание стоит ровно до следующей суммы. Поэтому Инга сделала пятый канал.

На фоне щёлкнула дверь.

Другой мужской голос сказал:

— Ты купил тишину у человека, который продаёт эхо.

Ева узнала Олега Белова.

— Я купил время, — ответил Павел. — Другого товара не было.

Запись оборвалась.

Рина выключила магнитофон.

— Это фрагмент разговора 2009 года, — сказала она. — После того, как Павел вернулся из Таллина один.

— Олег знал, что Соня жива, — произнёс Лев.

— Знал, что Павел вывез её. Не знал, где она потом.

— Почему отец не оставил это в «Люмене»?

— Потому что там искали.

Рина коснулась второй катушки.

— А это оставили не для вас. Вы получили право услышать только потому, что Анна согласилась.

Ева не сразу поняла.

— Соня знает, что мы здесь?

— Она знает о катушке. Не знает, что на ней сохранилось.

— Тогда как могла согласиться?

— Разрешила вам решить, является ли запись доказательством. Не разрешила публиковать голос.

Лев посмотрел на надпись «АННА И АЛИНА».

— Аллина — её дочь?

— Да.

Ева положила руку на кнопку воспроизведения, но не нажала.

— Нам нужна пауза.

Рина кивнула, словно именно этого ждала.

Они вышли во двор. По рельсам медленно прошёл грузовой состав, закрывая небо вагонами.

— Ты хочешь слушать? — спросила Ева.

— Да.

— Почему?

— Потому что имя дочери Сони рядом с архивом Инги. Это может быть связано с правами и пожаром.

— А кроме работы?

Лев посмотрел на неё.

— Потому что хочу услышать, как звучит жизнь после исчезновения.

Ева поняла. Они восемнадцать лет слушали место, где Соня оборвалась. Теперь перед ними была запись, в которой она продолжалась.

— Я тоже, — сказала она. — Но если там нет доказательства, мы остановим и не сделаем копию.

— Согласен.

В студию они вернулись не как владельцы архива.

Как люди, которым дали чужой голос на время.

ГЛАВА 24. Архивный воздух

В студии Valgus пахло пылью, металлом и озоном от старых блоков питания.

Рина открыла вентиляционные клапаны, прежде чем разрешить включить первый магнитофон.

— Плёнка должна привыкнуть к комнате, — сказала она.

— Плёнка ничего не чувствует, — ответил Лев.

— Поэтому люди постоянно обращаются с ней хуже, чем с собой.

Катушки лежали в климатических коробках. Каждая имела две карточки: техническую и человеческую. На первой — тип носителя, скорость, повреждения. На второй — кто записан, кто передал, что разрешено слушать и кому нельзя сообщать даже о существовании.

Ева читала медленно.

— В российских архивах редко разделяют хранение и право воспроизведения так подробно.

— Потому что архивисты любят думать: если спасли материал от распада, значит, получили моральное право включить, — сказала Рина. — Инга тоже так думала, пока сама не оказалась голосом в чужом монтаже.

Лев остановился у коробки с именем матери.

— Кто её смонтировал?

— Павел. Для фильма о «Люмене». Она потребовала убрать фразу, где говорит о тебе. Он убрал из публичной версии, но сохранил в рабочей.

— Конечно.

Ева проверила карточку. Доступ к личной фразе разрешался только Льву после письменного запроса.

— Хочешь подать? — спросила она.

— Не сейчас.

Рина кивнула, будто это был такой же полноценный выбор, как прослушивание.

Они начали с нейтральной тестовой ленты. Ева настроила азимут головки, Лев следил за графиком. Высокие частоты он почти не различал, но заметил повторяющийся провал по форме спектра.

— Каждые тридцать семь секунд, — сказал он.

— Дефект двигателя? — спросила Ева.

Рина проверила механизм.

— Нет. След старого копирования. Оригинал когда-то шёл через аппарат с неровной скоростью.

Лев улыбнулся.

— Значит, я всё ещё полезен.

Ева повернулась к нему.

— Ты нашёл закономерность. Не превращай каждое действие в экзамен на право находиться здесь.

— Легко сказать.

— Не легко. Я делаю то же самое со слухом.

Архивный воздух был сухим и прохладным. Через час у Евы усилился звон, у Льва устало правое ухо. Рина выключила аппаратуру без обсуждения.

— Перерыв, — сказала она. — Носители подождут.

— У нас сроки, — возразил Лев.

— У плёнки восемнадцать лет выдержки. Пятнадцать минут не разрушат историю.

Они вышли на лестницу. В открытое окно шёл запах моря.

Архив учил их не только восстанавливать исчезнувший звук. Он заставлял признать: сохранить материал иногда означает не включить его сейчас, даже когда любопытство, любовь и страх требуют немедленного ответа.

ГЛАВА 25. Рина

Перед второй катушкой Рина попросила Еву заполнить протокол.

«Цель прослушивания: установить наличие сведений о происхождении музыкального материала и возможной угрозе правам записанных лиц».

— Не «найти красивую историю», — сказала Рина. — Не «вернуть голос пропавшей». Только цель.

— Мы понимаем, — ответил Лев.

— Нет. Вы понимаете слова. Это не одно и то же.

Ева поставила подпись.

Рина отмотала ленту к отметке, которую сделала Инга. Сначала прозвучала настройка микрофона, затем женский смех. Не напряжённый голос из пожарной записи, не осторожная речь из сообщений Мире. Соня смеялась свободно.

Ева закрыла глаза.

— Мама, ты опять вступила раньше, — сказала девочка.

— Я проверяю, следишь ли ты.

— Так дирижёры оправдывают ошибки.

— Я не дирижёр.

— Именно.

Они засмеялись обе.

Потом Инга за кадром произнесла:

— С первого такта. Только мелодия, без слов.

Соня и Алина начали петь на два голоса. Мелодия была той самой, что лежала в основе последних восьми тактов. Но линии не сходились. Дочь вступала на секунду позже, и из-за этого знакомая тема становилась другой — не завершением, а кругом.

Лев наклонился к колонке.

Ева следила за уровнем и за его лицом. На третьей минуте голос Инги остановил запись.

— Хорошо. Теперь не для архива. Для себя.

Щёлкнула кнопка, но лента продолжила идти. Рина, видимо, записывала параллельно с другого устройства.

Соня сказала:

— Я не хочу, чтобы Павел это слышал.

— Почему?

— Он всё превращает в доказательство, что сделал правильно.

— А Лев?

— Не знаю его.

— Он знает музыку.

— Музыка не родство.

Алина спросила:

— Кто такой Лев?

Соня ответила после паузы:

— Сын человека, который помог нам и потом слишком долго решал за нас.

— Он плохой?

— Нет. Поэтому сложнее.

В комнате кто-то передвинул стул.

Инга сказала:

— Права на песню принадлежат мне. После смерти — тебе, Анна. Но Павел заключил договор, по которому фонд может восстановить музыку. Если однажды захочешь, разрешишь. Если нет — никто не имеет права делать твой голос условием возвращения.

— А если Лев захочет?

— Лев получит ноты. Не тебя.

На этом полезная часть закончилась. Дальше они обсуждали ужин и школьный спектакль Алины. Ева остановила воспроизведение.

— Достаточно.

Лев не возразил.

Рина сняла катушку.

— Запись сделана в 2018 году, — сказала она. — Инга уже болела. Анна приехала к ней на неделю. Я записала репетицию по просьбе Инги и спрятала копию.

— Соня знала? — спросила Ева.

— О первой записи — да. О скрытом микрофоне — нет.

— Тогда вы нарушили её согласие.

— Да.

Рина произнесла это без попытки оправдаться.

— Почему сохранили?

— Потому что Инга просила. Потому что боялась, что Маркин уничтожит ноты. Потому что я считала музыку важнее границы. В этом мы с Павлом были похожи сильнее, чем хотела признавать.

— Вы могли стереть позже, — сказал Лев.

— Могла. Не сделала.

— И теперь заставляете нас проходить тесты на согласие.

— Потому что не прошла собственный.

Ева посмотрела на катушку.

— Мы не копируем голоса.

— А мелодию? — спросил Лев.

— Она звучит на той же записи.

— Ноты принадлежат архиву. Можно переписать по слуху.

— Технически да. Этически — только после отдельного разрешения Сони.

Лев сжал челюсть, но кивнул.

Рина открыла шкаф. Внутри стояли десятки узких коробок, каждая с цветной меткой.

— Инга начала прятать дополнительные дорожки в 1994-м, когда Маркин потребовал передать ему мастер-ленты, — сказала она. — Она записывала контрольные сообщения выше обычного диапазона и в фазовых разностях. Большинство студий копировали только основные каналы, поэтому скрытое оставалось на оригинале.

— Он знал? — спросила Ева.

— Подозревал. В 2007 году нанял техника, чтобы проверить архив. Техник установил AUDIO BRIDGE и открыл удалённый доступ. Павел заплатил Маркину, чтобы тот закрыл систему. Маркин взял деньги и передал пароль Виктору Волкову.

— Зачем Волкову музыкальный архив?

— Он искал записи, где Соня говорила о Павле. И плёнку Даниила. Не различал кино и звук, поэтому хотел всё.

Рина достала старую накладную. Покупатель — компания, связанная с Волковым. Услуга — «технический аудит студийных материалов». Исполнитель — фирма Маркина.

— Это доказательство связи, — сказала Ева.

— Косвенное. Но вместе с пятым каналом станет сильнее.

— Почему не передали раньше?

— Павел просил хранить до смерти Волкова.

— Он жив, — сказал Лев.

— Именно. Я перестала выполнять просьбу Павла, когда поняла, что его страх переживёт всех нас.

Она подошла к третьей коробке — «ЛЕВ — ЕСЛИ ОСТАНОВИТСЯ».

— Что значит надпись? — спросил он.

— Инга сказала: отдать, если Лев перестанет пытаться доказать отцу, что достоин музыки.

— И вы решили, что это случилось?

— Нет.

Рина убрала коробку обратно.

— Пока вы только подписали лист.

Лев рассмеялся коротко.

— Откуда вы знаете про договор?

— Ева прислала правила вместе с запросом доступа.

Он повернулся к ней.

— Ты отправила наш лист?

— Без седьмого и восьмого пунктов. Только рабочие границы.

— Не спросила.

Ева почувствовала, как мгновенно возвращается напряжение.

— Ты прав. Я считала его частью заявки и решила сама.

— Это нарушение.

— Да.

Рина наблюдала молча.

— Что теперь? — спросил Лев.

— Ты решаешь, можно ли продолжать, — ответила Ева. — И я больше не передаю даже рабочую часть без согласования.

Он прошёл к окну, потом вернулся.

— Продолжаем. Но третью коробку сегодня не открываем.

— Согласна.

Рина кивнула.

— Значит, договор работает не потому, что вы его не нарушаете. Потому что нарушение имеет имя.

Лев посмотрел на неё.

— Не превращайте нас в урок.

— Хорошо.

Впервые за день Рина подчинилась чужой границе без комментария.

ГЛАВА 26. Две женщины поют

Ночью Ева проснулась от отсутствия звука.

В гостинице отключилась вентиляция. Белый шум, с которым она привыкла засыпать, исчез, и тиннитус сразу вышел на передний план. Ева включила приложение на телефоне, но динамик звучал слишком близко. Тогда она оделась и спустилась в холл.

Лев сидел у окна с нотной тетрадью.

— Не спится? — спросил он.

— Слишком тихо.

— У меня наоборот. Сосед сверху ходит пятками.

— Я не слышу.

— Повезло.

— Не называй так.

— Прости.

Он закрыл тетрадь.

— Я записал мелодию по памяти.

— Ту, что пели Соня и Алина?

— Да. Не для концерта. Чтобы не потерять.

— Это уже копия.

— Моя память не принадлежит архиву.

— Нет. Но намерение имеет значение.

— Я не собираюсь публиковать.

Ева села напротив.

— Что ты хочешь с ней сделать?

— Понять последние восемь тактов. Инга изменила их после записи с Соней и Алиной.

Возможно, это и есть «правильное исполнение».

— А возможно, правильное исполнение — не использовать их голоса без разрешения.

— Я говорю о нотах.

— Ноты тоже могут быть связаны с конкретным обещанием.

Лев раздражённо постучал карандашом.

— Ты способна оставить музыку музыкой?

— Нет. После того как люди использовали звук как доказательство, угрозу и товар, нет.

Он открыл тетрадь.

— Посмотри.

На странице были две линии. Верхняя двигалась ровно, нижняя всё время запаздывала на одну восьмую. В конце они менялись местами: мать начинала следовать за дочерью.

— Это не финал, — сказала Ева.

— Да.

— Это передача ведущего голоса.

— Именно.

— И ты хочешь дирижировать этим сам.

Лев понял укол.

— Возможно, поэтому Инга и не отдала мне коробку.

— Возможно.

— Ты рада?

— Нет.

— Опять полезный ответ.

Ева включила на телефоне тихий шум дождя. Лев поморщился.

— Можно без этого?

— Мне нужно.

— Тогда надену наушники.

Он сделал это без обиды. Они сидели в одном холле, каждый со своим способом справляться со звуком. Ева думала о двух голосах на ленте. Соня не звучала жертвой. Алина не звучала доказательством будущей линии. Это были две женщины — одна взрослая, другая почти взрослая, — которые могли ошибаться в такте и смеяться.

Утром пришло сообщение от Миры: Соня согласна обсудить использование мелодии, но только письменно и без передачи записи.

Ева показала экран Льву.

— Она отвечает быстро, — сказал он.

— Возможно, не спала.

Они составили письмо вместе. Лев объяснил, что хочет использовать принцип двух линий, а не вокал. Ева добавила точное описание обработки и гарантии. В конце они спросили не «можно ли взять», а «какие условия сделают использование приемлемым, если оно вообще возможно».

Ответ пришёл через четыре часа.

«Мелодию можно использовать. Голоса — нет. Имя Алины — нет. Историю записи — нет. В программке достаточно указать: тема Инги Стрельцовой, восстановлена с разрешения наследницы. И ещё: не делайте из нашего пения сцену воссоединения. Мы не возвращаемся через музыку».

Лев перечитал последнюю фразу.

— Она знает, как публика это увидит.

— Потому что всю жизнь была чужой историей.

— Я не сделаю сцену.

— Хорошо.

— Ты веришь?

— Да. И зафиксируем условия в договоре.

Он усмехнулся.

— Ты умеешь сделать доверие похожим на приложение к лицензии.

— Так оно переживает хорошие намерения.

Они вернулись в студию. Рина передала им нотный лист, который Инга написала после сессии 2018 года. Последние восемь тактов совпадали с памятью Льва, кроме одной паузы.

— Здесь две четверти, — сказал он.

— На записи три, — ответила Ева.

Рина кивнула.

— Инга каждый раз меняла длину. Говорила: пауза должна закончиться не по счёту, а когда второй голос решит войти.

— Оркестр так не сыграет, — сказал Лев.

— Тогда научите оркестр смотреть друг на друга.

Ева взглянула на него.

Он не спорил.

Вечером Лев переписал финал партитуры. Убрал фиксированную длительность паузы и поставил знак: «вступление по дыханию виолончелиста».

— Ты отдаёшь решение музыканту, — заметила Ева.

— На восемь тактов.

— Начало.

— Не преувеличивай.

Он протянул ей карандаш.

— Хочешь подписать техническое условие?

Ева добавила под нотами:

«Тишина не является отсутствием исполнения».

Лев прочитал.

— Это уже почти название.

— Не забирай.

— Запрошу лицензию.

Они улыбнулись одновременно. Не как люди, у которых всё стало легко. Как двое, впервые заметивших, что могут шутить внутри сложного разговора и не разрушать его.

ГЛАВА 27. Передача прав

Оригинал договора нашли в ящике под роялем.

Рина открыла его ключом, который носила на цепочке, и достала плоскую металлическую коробку. Внутри лежали документы Инги, завернутые в нотную бумагу: договор с Маркиным 1994 года, дополнительные соглашения 1998-го и 2009-го, завещательное распоряжение, подписанное в Таллине в 2017-м.

Мира подключилась по видеосвязи. Рядом с ней сидел эстонский нотариус и российский адвокат по авторскому праву.

— Показывайте каждую страницу отдельно, — сказала Мира. — Не вынимайте скобы. Фиксируем водяные знаки и номера.

Рина работала медленно. Лев ходил по студии, не в силах сидеть.

Основной договор действительно передавал Маркину исключительные права на выпуск двух альбомов Инги сроком на тридцать пять лет. Но рукописное дополнение, которое хранила Лариса, имело печатный оригинал: «Согласие на использование музыкального произведения не включает согласие на использование голоса автора или иных записанных лиц. Нарушение прекращает лицензию досрочно».

— Он использовал голос Инги в переиздании 2011 года, — сказал Лев. — Там есть разговор перед дублем.

— Нужно доказать отсутствие отдельного согласия, — ответила Мира.

Рина вынула следующий лист.

Это было письмо Маркина: «Инга, служебные реплики являются частью фонограммы и не требуют отдельного разрешения. Твоя попытка отозвать права не имеет оснований».

Под ним — ответ Инги: «Считайте это уведомлением о прекращении лицензии».

— Дата 2011 год, — сказала Мира. — Если уведомление доставлено, его права могли прекратиться тогда.

— Он продолжал выпускать сборники, — сказал Лев.

— Поэтому спор будет о действительности условия и сроках исковой давности. Но его позиция намного слабее.

Завещательное распоряжение оказалось сложнее. Инга передавала права не Соне напрямую, а фонду Valgus «до момента, когда Анна Стрельцова сможет принимать решения без угрозы раскрытия места жительства». После этого права переходили Анне, а фонд сохранял только обязанность хранения.

— Соня уже совершеннолетняя и место её известно ограниченному кругу, — сказала Ева. — Значит, права у неё.

— Если переход оформлен, — ответила Мира.

Рина достала последний документ: акт передачи 2021 года, подписанный Анной Стрельцовой. Он подтверждал, что она приняла авторские права Инги, но передала «Люмену» неисключительную лицензию на исполнение инструментальных произведений при совместном контроле Льва Громова и Евы Каревой.

Лев сел.

— В 2021 году «Люмен» был закрыт. Фонда не существовало.

— Павел готовил завещание, — сказала Ева.

— И Инга умерла в 2020-м. Кто составил акт?

Рина указала на подпись свидетеля.

Павел Громов.

— Он встречался с Соней после смерти Инги, — произнёс Лев.

— Один раз, — сказала Рина. — На нейтральной территории. Анна не хотела видеть его, но согласилась подписать документы, чтобы музыка не досталась Маркину.

— Почему контроль передан мне и Еве?

— Инга назвала ваши имена в приложении. Павел только оформил.

— В 2020-м Ева и я почти не знали друг друга.

— Инга знала вашу работу. Ева восстанавливала архивные голоса. Вы писали музыку к фильму о людях, потерявших слух после взрыва.

Лев вспомнил тот фильм. Он считал его неудачным и никогда не упоминал.

— Значит, всё было решено до нас, — сказал он.

Ева услышала в этой фразе старую боль: отец снова распределил роли.

— Лицензия даёт право, не обязанность, — сказала она. — Мы можем отказаться.

— И оставить музыку Маркину?

— Нет. Соня останется правообладателем. Она может назначить других.

— Ты всегда оставляешь дверь.

— Потому что закрытые двери уже сделали достаточно.

Мира попросила показать оборот акта. Там стояла ещё одна подпись Павла, но чернила отличались от первой.

Нотариус приблизил изображение.

— Здесь есть исправление даты, — сказал он. — И подпись свидетеля нанесена поверх распечатанного текста, который, возможно, заменяли.

— Поддельная? — спросил Лев.

— Не утверждаю. Нужна экспертиза оригинала.

Рина нахмурилась.

— Я получила документ от Павла лично.

— Когда? — спросила Мира.

— В январе 2022-го.

— А акт датирован октябрём 2021-го.

— Он сказал, что не мог отправить раньше.

Лев встал.

— Отец мог подделать согласие Сони.

— Её подпись тоже проверим, — сказала Мира.

— Она знала о лицензии, — напомнила Ева. — Только что дала условия.

— Сегодня знает. Вопрос, знала ли тогда.

На экране документа фамилии Евы и Льва стояли рядом задолго до того, как они сами решили работать вместе.

Это могло быть доверием Инги.

Или очередной конструкцией Павла, в которой живые должны были исполнить написанные им роли.

ГЛАВА 28. Подпись Павла

Экспертиза заняла три дня.

Пока специалисты сравнивали чернила и нажим пера, Лев ходил по Таллину один. Ева не предлагала сопровождение. Они встречались утром в архиве и вечером обсуждали найденное, но вопрос подписи лежал между ними как закрытая дверь.

На четвёртый день Мира позвонила рано.

— Подпись Павла настоящая, — сказала она. — Но нанесена на пустой лист с частично напечатанными реквизитами. Основной текст договора напечатан позже другим принтером.

Лев сидел на краю кровати.

— То есть он подписал бланк.

— Или подпись перенесли методом монтажа, но микроскопия показывает пересечение чернил с тонером: сначала ручка, потом печать.

— Кто мог добавить текст?

— Любой, у кого был лист. Рина, Инга до смерти, Соня, Павел сам, Маркин.

— Ева?

— Её имя уже в тексте, но доказательств доступа нет.

— Я не обвиняю.

— Хорошо, потому что она слышит звонок.

Лев понял, что Мира включила громкую связь. Ева сидела рядом с ней в кабинете «Люмена» через видеоконференцию.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

— Я попросила Миру не скрывать, что участвую.

— Спасибо.

Мира продолжила:

— Подпись Сони подлинная и сделана после печати текста. Значит, она видела содержание, когда подписывала. Но дата могла быть изменена.

— Тогда лицензия действительна, — сказал Лев.

— Вероятно. Однако есть третья проблема. На акте нет подписи Инги, хотя приложение с вашими именами якобы составлено ею. Только копия машинописного листа.

— Рина говорит, что оригинал в островном архиве.

— Поэтому без острова цепочка неполна.

После звонка Лев пришёл в студию. Рина уже знала результат.

— Почему Павел подписывал пустые листы? — спросил он.

Она не удивилась.

— Потому что хотел подготовить документы для Сони, не отправляя ей своё имя по электронной почте. Он оставил несколько подписанных бланков у Инги.

— Удобно для подделки.

— Да.

— Вы добавили текст?

— Нет.

— Инга?

— Возможно. Она не сказала.

— Вы храните документы двадцать лет и каждый раз отвечаете «возможно».

— Архив хранит не истину. Он хранит следы решений. Истину вы хотите получить готовой, потому что боитесь сделать собственную.

Лев резко снял аппарат.

— Не анализируйте меня.

Рина продолжила говорить. Он видел губы, но не слышал. Через несколько секунд она остановилась.

Лев снова вставил аппарат.

— Спасибо.

— За что?

— Что остановились.

— Вы попросили.

— Я снял аппарат.

— Это тоже просьба, если человек знает.

Ева вошла с папкой.

— Соня прислала голосовое подтверждение, — сказала она. — Она помнит акт. Текст читала. Лицензию одобрила. Дату не помнит.

— Значит, отец не подделал её согласие.

— Нет.

Лев почувствовал облегчение и злость одновременно. Он хотел поймать Павла на окончательной вине, которую не нужно было бы оттенять хорошим намерением. Но отец снова оказался человеком, способным и защитить, и нарушить.

— Есть ещё кое-что, — сказала Ева. — Соня помнит, что Павел передал ей письмо для тебя. Она отказалась быть посредником и вернула.

— Какое письмо?

— Не знает. Возможно, оно осталось у Ларисы.

Лев позвонил матери.

Лариса ответила не сразу.

— Ты в Таллине? — спросила она.

— У тебя есть письмо Павла мне?

Пауза.

— Есть.

— Почему не отдала?

— Потому что он написал его после того, как исключил тебя из завещания. Я считала письмо способом заставить тебя принять решение, в котором тебя не спрашивали.

— Ты прочитала?

— Да.

— Это было адресовано мне.

— Я знаю.

— Отправь сегодня.

— Я привезу лично.

— Нет. Скан сейчас, оригинал потом.

— Лев...

— Не решай, когда я готов.

Лариса молчала.

— Хорошо, — сказала наконец.

Через десять минут пришёл файл. На первой странице стояло:

«Сын,

я оставил твоё имя вне завещания не потому, что считаю тебя неспособным. Я сделал хуже: решил, что обязан освободить тебя от выбора, который сам не сумел сделать...»

Лев закрыл документ.

— Не можешь? — спросила Ева.

— Могу. Не сейчас.

— Хорошо.

— Ты не спросишь почему?

— Нет.

Он положил телефон экраном вниз.

— Побудь здесь.

Ева села у другого края стола. Они не разговаривали. Рина в соседней комнате перематывала ленту, и старый механизм равномерно щёлкал.

Лев не читал письмо.

Но впервые не выключал человека рядом, чтобы сохранить право на паузу.

ГЛАВА 29. Лариса и Инга

Лариса приехала на следующий вечер.

Она вошла в студию с маленьким чемоданом и тубусом для документов. Увидев Рину, остановилась.

— Вы постарели, — сказала Рина.

— Вы тоже. Просто удачнее.

Они не обнялись.

Лев понял, что женщины знакомы намного лучше, чем говорили.

— Когда вы виделись? — спросил он.

— На похоронах Инги, — ответила Лариса.

— Ты говорила, что не знала, где она жила.

— Не знала до 2019 года.

— Ещё одна точная ложь.

— Да.

Лариса поставила тубус на стол.

— Поэтому я приехала. Не только с письмом.

Внутри лежали фотографии и дневник в синей обложке. На первой фотографии Лариса и Инга сидели на ступенях Valgus в 1993 году. Между ними — Павел, смеющийся чему-то за кадром.

— Вы были подругами? — спросил Лев.

— Сначала, — сказала Лариса. — Я переводила тексты для её первого альбома. Павел снимал музыкальный фильм. Мы втроём думали, что честность спасёт от обычной ревности.

— Не спасла, — заметила Рина.

Лариса посмотрела на неё.

— Ты всегда умела быть точной, когда боль не твоя.

— Моя тоже была.

Рина вышла, закрыв дверь.

Лариса открыла дневник.

— Павел любил Ингу до меня. Потом сказал, что выбрал меня. Через год снова поехал к ней. Я узнала, когда была беременна тобой.

Лев не перебивал.

— Инга не знала о беременности. Когда узнала, разорвала отношения. Мы встретились. Я ожидала врага, а она принесла мне записи, на которых Павел обещал ей уйти. Не для мести. Чтобы я решала с фактами.

— Ты осталась.

— Да. Он признался, пошёл на терапию, несколько лет был хорошим мужем. Потом в его жизни появилась Соня — дочь Виктора и сестры Инги. Павел увидел, как Волков обращается с ней, и начал помогать. Через помощь вернулась Инга. Не как любовница сначала. Как человек, с которым он разделял тайну.

— А потом?

Лариса провела пальцем по фотографии.

— Потом границы снова стали размыты. Я не знаю, были ли они физически вместе. Для брака иногда достаточно, что самое важное происходит не с тобой.

— Поэтому ты ненавидела Соню?

— Нет. Я ненавидела, что ребёнок стал оправданием любого обмана. Соня не виновата.

— Ты помогала ей после пожара?

— Один раз. Передала Инге документы и деньги. Павел попросил. Я согласилась при условии, что он больше не будет знать адреса.

— Но потом он встречался с ней в 2021-м.

— Узнала после его смерти.

Лев открыл дневник на странице, отмеченной закладкой. Почерк Инги был крупным: «Лариса сказала, что любовь, которая требует исчезновения третьего человека, не является большой. Она просто плохо умеет считать. Я злилась, но запомнила».

Следующая запись:

«Лев прислал музыку к фильму. Он пишет паузы лучше Павла. Возможно, потому что вырос среди наших недосказанностей».

Лев закрыл дневник.

— Почему ты хранила это?

— Инга отдала перед смертью. Сказала: если ты однажды будешь искать только вину Павла, покажи, что мы тоже принимали решения.

— Она опять написала мне роль.

— Да. Мы все это делали.

Лариса вынула оригинал письма Павла.

— Я прочитала и спрятала. Это было моё решение. Не его. Я думала, защищаю тебя от очередной режиссуры. На самом деле лишила информации.

— Ты можешь перестать объяснять защитой всё, что делаешь без согласия?

Лариса побледнела.

— Постараюсь.

— Не «постараюсь» в смысле «пока страх не станет сильнее».

— Тогда скажу иначе: я больше не буду получать твои медицинские документы. Сегодня исправила контактное лицо. И не буду передавать их никому без твоей просьбы, даже если считаю решение опасным.

— А если я действительно рискую?

— Скажу. Позову помощь, если есть непосредственная угроза. Но не буду тайно строить твою жизнь.

Лев долго смотрел на неё.

— Спасибо.

Лариса выдохнула, но не улыбнулась.

— Это не прощение?

— Нет.

— Хорошо.

Она училась.

Вечером они втроём ужинали в маленьком кафе. Разговор несколько раз проваливался в молчание. Лариса не заполняла его рассказами о детстве Льва. Ева не сглаживала неловкость. Лев не уходил.

После ужина мать отдала ему письмо.

— Я буду в гостинице до утра, — сказала она. — Если захочешь спросить. Если нет — уеду.

— Я прочитаю сегодня.

— Это не обещание мне.

— Нет. Решение себе.

Лариса кивнула и ушла.

Лев остался с конвертом в руках. Ева стояла рядом.

— Ты можешь не быть при чтении, — сказал он.

— Могу.

— И можешь остаться.

— Могу.

— Останься в соседней комнате.

— Хорошо.

Он не просил держать его за руку.

Но впервые заранее сказал, где хочет найти её после.

ГЛАВА 30. Письмо сыну

Лев читал письмо в контрольной комнате Valgus.

За стеклом Ева сидела у рояля и не играла. Он видел её профиль, движение руки по крышке, но не слышал. Аппарат лежал рядом с конвертом.

Почерк Павла был неровнее, чем в ранних записях.

«Сын,

я оставил твоё имя вне завещания не потому, что считаю тебя неспособным. Я сделал хуже: решил, что обязан освободить тебя от выбора, который сам не сумел сделать.

Когда узнал о твоём слухе, испугался, что “Люмен” станет для тебя ловушкой. Ты бы принял его из злости, чтобы доказать мне, что можешь. Я решил убрать возможность. Это звучало как забота, пока Мира не спросила, почему я снова называю чужую свободу риском.

Я не вернул долю. К тому времени конструкция завещания держалась на шести именах, и я боялся менять. Это трусость, а не юридическая необходимость.

Музыку Инги я оставил не тебе, потому что она не вещь отца сыну. Но я попросил её предусмотреть твоё участие. И здесь снова решил за тебя.

Если откажешься — это не будет поражением. Если согласишься — не будет доказательством любви ко мне.

Есть ещё то, что я не сказал о слухе. Я знал риск раньше твоего рождения. Лариса не знала. Потом узнала и тоже молчала. Я боялся, что ты не выберешь музыку. Но человек не выбирает свободно, если у него украли часть цены.

Я люблю тебя. Эта фраза не исправляет ничего из перечисленного. Я пишу её не как оправдание, а как факт, который должен существовать рядом с другими фактами.

Павел».

На обороте была приписка:

«Третья коробка у Рины — не моя. Инга оставила её тебе. Открывай только если музыка перестанет быть разговором со мной».

Лев перечитал последнюю строку.

Потом ещё раз весь текст.

Он ждал гнева, но первым пришло облегчение. Отец назвал трусость трусостью. Не «сложным решением», не «необходимостью ради безопасности». Это было мало и поздно. И всё равно меняло форму памяти.

Лев включил аппарат и постучал в стекло.

Ева вошла.

— Хочешь говорить? — спросила она.

— Не знаю.

— Могу сидеть.

— Сядь.

Она выбрала стул напротив.

— Он написал, что любил меня, — сказал Лев. — И сразу добавил, что это ничего не исправляет.

— Похоже, чему-то научился.

— Перед смертью. Очень своевременно.

— Да.

— Я хочу злиться сильнее.

— Почему?

— Потому что если признаю, что письмо помогает, будто прощу всё остальное.

— Помощь и прощение — разные вещи.

— Ты всегда знаешь формулировку?

— Нет. Иногда просто медленно отвечаю.

Лев протянул письмо.

— Прочитай.

— Ты уверен?

— Да.

Ева читала долго. На середине её лицо изменилось, но она не остановилась.

— Что? — спросил он.

— Фраза про украденную цену.

— Почему?

— Павел знал, что делает это. Не только с тобой.

— С тобой тоже.

— Да.

Лев взял письмо обратно.

— Он попросил не открывать третью коробку, пока музыка не перестанет быть разговором с ним.

— Перестала?

— Нет.

Ева кивнула.

— Тогда не открываем.

— Рина считает, что я должен.

— Рина оставила условие. Ты определяешь момент.

— А если момент никогда не наступит?

— Коробка останется закрытой.

Он посмотрел через стекло на рояль.

— Я не знаю, как писать музыку не ему. Даже когда хотел доказать матери, публике, себе — в конце всегда спорил с Павлом.

— Начни не с музыки.

— С чего?

— С того, что слышишь сейчас.

Лев прислушался. Через аппарат доносилось шипение кондиционера, далёкий трамвай, дыхание Евы, щелчок старого реле.

— Плохая студия, — сказал он.

— Отлично. Запиши плохую студию.

— Это твой метод терапии?

— Я не терапевт.

— К счастью.

Он включил диктофон. Записал минуту комнаты без рояля. Потом попросил Еву пройти по коридору, открыть дверь, вернуться. Она сделала. Не красиво. Не символично. Просто шаги, дверь, воздух.

Лев слушал запись и не думал, понравилась бы она отцу.

Всего несколько секунд.

Но именно тогда понял: третью коробку можно открыть не после того, как разговор с Павлом закончится навсегда.

Достаточно, чтобы хотя бы одна нота появилась не как ответ ему.

— Завтра, — сказал он.

— Что завтра?

— Откроем коробку.

— Ты уверен?

— Нет.

— Это подходит.

Он улыбнулся.

Ева встала, чтобы уйти, но Лев коснулся её запястья.

— Можно ещё попросить?

— Да.

— Не уходи в гостиницу сейчас.

Она посмотрела на его руку. Он убрал её, оставляя выбор.

— Останусь, — сказала Ева.

Они сидели в студии до утра. Не целовались. Не обещали. Записывали двери, трамваи и редкий снег, ударяющий в окно.

Музыка начиналась с мира, который не спрашивал Павла, достоин ли он звучать.

ГЛАВА 31. Адрес Павла

В письме Павла был указан адрес, которого Лев не знал.

Склад на окраине Ладожска. Ячейка 318. Оплата продлена до конца года.

Мира проверила договор и согласилась поехать вместе. Ева осталась в «Люмене»: письмо адресовалось Льву, а её присутствие не требовалось для безопасности.

Ячейка открылась обычным кодом — датой рождения Льва. Внутри стояли четыре коробки, велосипед и детский стул.

— Я ожидал сейф, — сказал Лев.

— У Павла иногда были простые тайники, — ответила Мира.

В первой коробке лежали школьные тетради Льва. Во второй — программы концертов Инги. В третьей — письма, которые Павел не отправил сыну. Большинство были бытовыми.

«Твоя мать говорит, ты не ешь перед занятиями».

«Я купил билеты, но не знаю, придёшь ли».

«Ты сердишься правильно. Я всё равно не умею начать».

Лев читал и злился на каждую строку. Отец мог позвонить. Вместо этого складывал заботу в коробку, где она никого не достигала.

В четвёртой лежали документы о «Люмене» и список выплат после пожара. Напротив имени Евы стояла сумма медицинской помощи через анонимный фонд. Напротив Майи — деньги, которые семья отказалась принять. Напротив Даниила — оплата лечения после ожогов. Павел поддерживал людей так, чтобы они не знали источник.

— Он считал тайную помощь чистой, — сказала Мира.

— И сохранял квитанции, чтобы видеть себя хорошим.

Под документами был конверт без имени. Внутри — фотография Льва на школьном концерте. Павел стоял в дальнем углу зала, почти за дверью.

— Он всё-таки пришёл, — сказал Лев.

— Ты знал?

— Нет.

Он хотел почувствовать тепло. Вместо этого пришла злость: отец снова выбрал присутствие без риска быть замеченным.

Лев забрал письма и фотографию. Документы передал Мире. Велосипед отдал на благотворительность, стул оставил — на нём он сидел у рояля в пять лет.

— Для чего? — спросила Мира.

— Не знаю. Возможно, выброшу позже.

На обратном пути он позвонил Еве.

— Нашёл адрес, где Павел хранил всё, что не решился отдать.

— Хочешь рассказать?

— Да. Но не сейчас целиком.

— Хорошо.

— Там есть сведения о твоём лечении.

Ева замолчала.

— Передай следствию. Копию мне — только медицинскую часть и источник денег.

— Сделаю.

Лев посмотрел на детский стул в багажнике.

Адрес Павла не открыл новую тайну пожара. Он показал более обычное преступление близости: человек мог годами готовить правильные слова и так и не решиться войти с ними в комнату.

ГЛАВА 32. Ключ Евы

Третья коробка содержала не плёнку.

Внутри лежали ключ, фотография пианино в «Люмене» и короткая записка Инги:

«Лев,

если ты открыл это, значит, хотя бы раз остановился не потому, что проиграл. Ключ от шкафа Матвея. В 2008-м его спрятала Ева. Я знаю не от Павла. Соня сказала мне в машине. Она видела, как Ева положила ключ в пианино, но решила не возвращаться. Не делайте из этого одного виновного. Однако не оставляйте тайной».

Лев прочитал вслух.

Ева стояла у стены. Она знала содержание до последней строки ещё до того, как он закончил.

— Соня видела, — сказала она.

— Да.

— И знала все эти годы.

— Похоже.

Ева смотрела на ключ. Это был не тот маленький ключ с биркой, который она спрятала в семнадцать. Тот нашли после пожара. Этот принадлежал другому шкафу — Матвея, возможно, хранилищу кассеты. Но Инга связала предметы намеренно, будто хотела, чтобы старое признание открыло новое место.

— Ты уже сказала мне, — произнёс Лев.

— Не всем.

— Теперь придётся.

— Да.

Рина включила видеосвязь с «Люменом». В комнате собрались Мира, Артём, Костя, Андрей и Даня. Майя подключилась из Архангельска. Соня слушала без камеры; её имя отображалось как «Анна».

Ева сидела перед микрофоном. Лев занял место сбоку, не касаясь её.

— В ночь пожара Соня дала мне ключ от шкафа с плёнкой, — начала Ева. — Я должна была передать Павлу, если появится Волков. Я спрятала ключ в пианино до начала показа.

Даня резко поднял голову.

— Зачем?

— Хотела, чтобы Соня заметила, что не может распоряжаться мной только как человеком со слухом. Ревновала. Злилась. Думала вернуть через несколько минут.

— Но начался пожар, — сказал Андрей.

— Да.

— Ты говорила, что забыла, — произнесла Мира.

— Солгала.

Даня встал и вышел из кадра. Через секунду хлопнула дверь.

Ева продолжила:

— Плёнку нашли позже. На ней не было нападения Матвея. Я не знаю, изменил бы ключ события. Но я скрывала намерение восемнадцать лет. Это влияло на то, как мы понимали действия Сони и Павла.

В динамиках было слышно дыхание.

Соня заговорила первой:

— Я видела.

Ева закрыла глаза на секунду.

— Почему не сказала?

— Потому что сама не вернулась за ключом. Я решила, что плёнка не важнее того, чтобы вывести запись Матвея. Потом всё началось. В машине сказала Инге, а Павлу — нет. Боялась, что он сделает тебя виноватой и перестанет видеть собственное решение заставить нас продолжать показ.

— Ты защищала меня?

— Нет. Я защищала версию, в которой одна ошибка не объясняет весь пожар.

Даня вернулся. Лицо было мокрым, но голос ровным.

— Если бы ключ оказался у Павла раньше, он мог остановить показ.

— Мог, — сказала Ева.

— Или полез бы за плёнкой, — добавила Соня. — Мы не знаем.

— Я хочу злиться, — сказал Даня.

— Злишься, — ответила Ева.

— Не разрешай мне.

— Хорошо.

Он выключил камеру, но остался в звонке.

Майя наклонилась к экрану.

— Ключ в коробке не тот?

— Нет, — сказала Ева. — Это ключ Матвея.

— От чего?

Рина показала фотографию. На обороте Инга написала: «Шкаф с серой дверью. Не в кинотеатре. Там, где Олег слушал пожар после пожара».

Артём побледнел.

— У отца был гараж у старой пожарной части. После увольнения он держал там магнитофоны и кассеты с радиопереговорами.

— Гараж продали, — сказала Мира.

— Не тот. Он арендовал склад под чужой фамилией. Я нашёл квитанции после его смерти, но не понимал адрес.

Костя увеличил фотографию пианино.

— На зеркальной панели видна табличка за спиной Инги.

Майя приблизилась к экрану.

— Это номер пожарной части. И отражение дорожного знака.

— Можешь восстановить? — спросила Мира.

— Нужен оригинал снимка.

Рина передала фотографию Косте для сканирования. Он работал молча, избегая смотреть на Майю в окне связи.

Ева заметила это, но не спросила.

Когда разговор закончился, Соня попросила остаться на линии с Евой вдвоём.

— Я не прощаю тебя сейчас, — сказала она.

— Понимаю.

— И не хочу, чтобы твоё признание стало сценой искупления в фильме Дани.

— Не станет без твоего согласия. И моего.

— Хорошо.

— Мне жаль.

Слова дались тяжело, потому что Ева редко произносила их. Но сейчас они не требовали от Сони утешить её.

— Мне жаль, что я сделала тебя объектом своей ревности в момент, когда ты пыталась выжить.

Соня молчала.

— Я услышала, — сказала наконец. — Этого достаточно на сегодня.

Связь прервалась.

Ева сидела неподвижно. Лев не подходил, пока она сама не повернулась.

— Я хочу, чтобы ты остался, — сказала она.

Он сел рядом.

— Ничего не говори.

Лев снял аппарат.

Не как отказ слышать.

Как согласие разделить тишину, которую она выбрала сама.

ГЛАВА 33. Шесть голосов

В Ладожск они вернулись через сутки.

На вокзале Еву встретил не кто-то из друзей, а официальный автомобиль следственного управления. После обнаружения ключа Матвея дело о пожаре расширили: теперь следователям нужно было заново зафиксировать показания всех шестерых, находившихся в «Люмене» в 2008 году.

— Отдельно, — сказала Мира. — Никакого общего обсуждения до протоколов.

— Мы уже обсуждали восемнадцать лет, — ответил Андрей.

— Именно поэтому отдельно.

В комнате для допросов не было ничего, кроме стола, трёх стульев и камеры. Ева смотрела на красный индикатор и вспоминала кассетный магнитофон Павла. Тогда её заставляли слушать. Сейчас просили говорить.

— Расскажите с момента передачи ключа, — сказал следователь.

Она рассказала. Без слов «просто», «случайно» и «я была ребёнком». Назвала ревность, время, место, ложь после пожара. Следователь несколько раз уточнил, могла ли задержка повлиять на эвакуацию.

— Не знаю, — отвечала Ева. — Ключ открывал шкаф с плёнкой, не выход. Но Павел мог изменить решение о показе, если бы получил его раньше.

После неё вошёл Даня. Через матовое стекло Ева видела только силуэт. Он говорил почти два часа.

Костя вышел бледным. Андрей — злым. Мира держала спину прямо, но забыла папку на стуле и вернулась за ней. Соня давала показания по защищённой связи из другой страны. Шестым был Артём — не участник показа, но свидетель разговора Олега и Павла после пожара.

Вечером им разрешили собраться в старой репетиционной комнате. Никто не садился на прежние места. Даня стоял у окна.

— Я думал, что ключ был у Сони, — сказал он. — Все эти годы думал, что она ушла с плёнкой и оставила нас искать.

— Она ушла с другой записью, — сказала Мира.

— Знаю. Факт не отменяет чувство.

Ева кивнула.

— Нет.

— Я хотел, чтобы ты была безупречной, — продолжил Даня. — Тогда можно было считать, что хотя бы один из нас не сделал ничего, за что стыдно.

— Не была.

— Теперь вижу.

Он не произнёс «прощаю». Ева была ему благодарна.

Костя положил на стол шесть карточек. На каждой написал одно предложение из показаний:

Мира: «Я поняла, что дверь запирается, но решила, что Артём уже сообщил отцу».

Ева: «Я спрятала ключ, потому что хотела быть замеченной».

Костя: «Я продолжал снимать после первого запаха дыма, потому что боялся испортить фильм».

Андрей: «Я сказал всем, что Соня вышла через сцену, хотя только надеялся».

Даня: «Я включил проектор после угрозы Кадина, потому что верил: запись важнее риска».

Соня: «Я знала о ключе и не вернулась, потому что решила одна, какая улика важнее».

— Это не список виновных, — сказал Костя. — И не список оправданий.

— Тогда зачем? — спросил Андрей.

— Чтобы не дать кому-то снова выбрать один голос и назвать его причиной всего.

Мира разложила карточки в круг.

— Волков организовал давление. Кадин поджёг и ударил Матвея. Это не исчезает из-за наших решений.

— Но наши решения тоже не исчезают из-за их преступления, — сказала Ева.

Соня оставалась на связи без камеры.

— Я не хочу общего заявления, — произнесла она. — Не хочу, чтобы из шести признаний сделали красивый текст о коллективном исцелении.

— Не сделаем, — сказал Даня.

— Ты особенно.

Он закрыл глаза.

— Согласен.

— И ещё. Ева, не превращай моё возможное прощение в цель своей работы.

— Не буду.

— Я пока не знаю, будет ли оно.

— Понимаю.

— Хорошо.

Связь закончилась.

Лев ждал Еву в аппаратной. Он не входил на встречу: это была история шестерых, а не его право как сына Павла.

— Как прошло? — спросил он.

— Никто не стал лучше за один вечер.

— Значит, честно.

Ева села у пульта. На экране оставалась новая партитура. Пауза перед последними тактами была открытой.

— Даня злится, — сказала она.

— Ты ожидала другого?

— Нет. Всё равно больно.

— Мне жаль.

Ева посмотрела на него.

— Сейчас это правильно.

Лев кивнул. Не спросил, означает ли её признание, что между ними можно двигаться дальше. Он просто включил запись шагов из Valgus.

Шесть голосов не слились в хор.

Каждый остался отдельной дорожкой.

И впервые это не выглядело поломкой.

ГЛАВА 34. Комната свидетелей

Мира запретила называть встречу репетицией показаний.

— Мы не согласовываем версии, — сказала она. — Каждый говорит только то, что помнит сам. Остальные не исправляют. Вопросы — после записи.

Они сидели в малом зале «Люмена» на расстоянии нескольких кресел друг от друга. Камера стояла на сцене. Две дорожки звука писались параллельно, третья фиксировала временной код. Ева проверила уровни и села рядом с Львом, но не как участник той ночи — как человек, отвечающий за запись.

Первой говорила Мира.

Она помнила запах мокрой одежды, потому что перед пожаром шёл дождь. Помнила, как Соня держала металлическую коробку и повторяла, что фильм нужно показать до прихода отца. Помнила Артёма у служебной двери, хотя официально его в здании не было. Не помнила, кто первым закричал о дыме.

Костя помнил свет.

Не лица. Белую вспышку в проекционной, отражение человека в стекле, красный шарф Сони, который потом нашли у лестницы. Он сказал, что сделал несколько кадров уже после начала дыма, но Павел забрал плёнку.

Андрей помнил голос Матвея по внутренней связи:

— Не в зал. К боковому выходу.

Потом другой мужской голос приказал выключить запись. Андрей восемнадцать лет считал, что это Олег Белов. Теперь не был уверен.

Даниил говорил дольше всех. Он устанавливал камеру, спорил с Соней, хотел получить красивый финал. Когда она сказала, что беременна, он подумал, что это способ остановить спор. Не поверил сразу. Эти слова он произнёс без попытки смягчить.

Ева смотрела на индикаторы и не поднимала глаз.

Когда пришла её очередь, она пересела на сцену.

— После первого хлопка у меня зазвенело в ушах, — сказала она. — Я решила, что перегрузилась колонка. Вместо того чтобы выйти, пошла к пульта. Соня дала мне ключ и сказала: «Если я не вернусь, отдай Павлу». Я спрятала его в корпус пианино. Не потому, что забыла. Потому что услышала Павла в коридоре и испугалась, что ключ предназначен против него.

Мира вздрогнула, но не перебила.

— Потом Павел нашёл меня. Я сказала, что ключа нет. Он заставил слушать повреждённую дорожку и искать голос Сони, хотя я говорила, что больно. Через двадцать минут я перестала различать внешние высокие частоты. Ключ отдала только утром.

Она закончила.

Лев сидел неподвижно. История отца стала ещё одной формой насилия, совершённого под видом спасения.

После записи Мира выключила камеру.

— Вопросы.

Даниил спросил Еву:

— Почему ты никогда не говорила про беременность Сони?

— Потому что не слышала. Узнала сейчас от тебя.

— Но на дорожке есть фраза о ребёнке.

— Мы восстановили её восемнадцать лет спустя.

Андрей повернулся к Даниилу:

— Ты правда не поверил?

— Да.

— И потом сделал из неё фильм о пропавшей любви.

— Да.

— Удобно.

— Невыносимо удобно.

Мира остановила спор.

Костя спросил:

— Кто видел Олега до пожара?

Никто не поднял руку.

— Я слышал его фамилию, — сказал Андрей. — Или думаю, что слышал.

Лев наклонился к Еве.

— Ты уверена, что Павел был в коридоре до взрыва?

— Уверена в голосе. Не во времени. Тогда уже звенело.

— Почему это не вошло в прошлые показания?

— Потому что следователь спросил, видела ли я Павла. Я ответила: нет.

Комната наполнилась простыми точными различиями, которые восемнадцать лет никто не хотел слышать. Видела — не слышала. Знала — предполагала. Испугалась — не забыла. Не поверил — не понял.

Мира записывала каждое.

— Мы не соберём одну идеальную версию, — сказала она. — И не должны. Следствию нужны независимые совпадения и противоречия.

Даниил посмотрел на пустое кресло, оставленное для Сони.

— А её версия?

— Будет тогда, когда она решит.

— Без неё всё неполное.

— Полнота не даёт права требовать.

Лев услышал фразу и подумал об Инге, Павле, собственном диагнозе. Все они стремились закончить историю раньше, чем другой человек успеет выбрать слова.

Ева выключила рекордер последней.

— Запись закрытая, — сказала она. — Копии — только следствию и каждому участнику его части. Общую дорожку без согласия всех не выдаём.

— Даже если поможет делу? — спросил Андрей.

— Тогда спрашиваем всех снова.

Лев увидел, как трудно ей произнести это. Звукорежиссёр хотела сохранить каждую деталь. Женщина, пережившая чужое управление, училась оставлять запись незавершённой.

В пустом кресле никто не сидел.

Но впервые отсутствие Сони не заполнили придуманным голосом.

ГЛАВА 35. Павел без голоса

Запись Павла нашли в коробке с маркировкой «технические шумы».

Ева почти удалила файл как пустой. Первые семь минут в нём работал проектор, затем щёлкнула дверь, и Павел произнёс её имя.

Она остановила воспроизведение.

Лев сидел по другую сторону стекла. Увидел движение и вошёл в аппаратную.

— Что?

Ева показала название.

— Он обращается ко мне.

— Хочешь слушать одна?

— Не знаю.

Лев не предложил остаться. Сел у двери, достаточно далеко, чтобы выбор не выглядел уже сделанным.

Ева включила.

Голос Павла был старше, чем в её памяти. Он говорил медленно, иногда отходил от микрофона.

— Ева, я много раз называл тебя человеком, который слышит правду. Это было удобное качество, пока мне требовалось, чтобы ты услышала то, чего не хотел признавать сам.

Пауза. Шум плёнки.

— В ту ночь я заставил тебя работать после того, как ты сказала о боли. Я знал, что должен остановить запись и отвезти тебя к врачу. Не сделал. Мне казалось, если найду голос Сони, смогу вернуть порядок. Я обменял твоё тело на ещё несколько минут информации.

Ева сняла наушники, но динамики продолжали.

— Потом оплатил лечение через другого человека, потому что боялся разговора. Назвал это помощью. На самом деле хотел, чтобы благодарность закрыла вопрос о вине.

Лев смотрел в пол.

— Я не прошу прощения. Просьба снова потребовала бы от тебя действия. Оставляю запись как признание факта. Решай сама, хранить ли её, передать следствию или уничтожить.

Проектор работал ещё минуту. Затем файл закончился.

Ева выключила колонки.

— Он всё понимал, — сказал Лев.

— К моменту записи.

— И ничего не исправил.

— Некоторые вещи нельзя исправить после восемнадцати лет.

Лев поднялся.

— Я ненавижу, что он умеет звучать честно, когда уже умер.

— Мёртвым проще не защищаться от ответа.

— Ты передашь запись?

— В ней признание причинения вреда и возможное подтверждение его действий после пожара. Следствию — да. Публично — нет.

— Почему? Он сам оставил выбор.

— Потому что это мой медицинский опыт. Его признание не делает его общественным.

Лев кивнул. Потом спросил:

— А мне можно копию?

Ева удивилась.

— Зачем?

— Чтобы не превратить отца только в человека, который молчал. Он ещё и человек, который понял слишком поздно. Это не оправдание. Но часть правды.

— Я подумаю.

— Хорошо.

Он направился к двери.

— Лев.

Он остановился.

— Остайся пять минут.

Вернулся и сел рядом, не касаясь.

Ева снова включила начало. Не для анализа. Хотела проверить, как звучит её имя в голосе Павла. Раньше он произносил его с уверенностью владельца: Ева, включи; Ева, найди; Ева, ты же слышишь. В записи имя впервые не было командой.

Это не принесло облегчения.

— Я думала, если когда-нибудь услышу признание, звон станет тише, — сказала она.

— Стал?

— Нет.

— Ты разочарована?

— Да. И злюсь на себя за ожидание.

— Не нужно делать из реакции правильный итог.

Ева посмотрела на него.

— Это моя фраза.

— Ты редко пользуешься собственными советами. Приходится возвращать.

Она чуть улыбнулась.

Через пять минут Лев спросил:

— Ещё?

— Нет.

Он встал. Не пытался обнять.

Ева сохранила файл в трёх копиях. Одну запечатала для следствия. Вторую — для личного архива с запретом публикации. Третью зашифровала и указала: доступ Льву только после отдельного подтверждения с её стороны.

Потом выключила проектор.

Павел снова остался без голоса.

Но теперь это было не его решение.

ЧАСТЬ II ЧУЖАЯ ПЕСНЯ

ГЛАВА 36. Утечка

Фрагмент появился в сети в пять сорок утра.

Двадцать семь секунд. Соня и Алина смеются, потом начинают петь мелодию Инги. Поверх видео — старые кадры пожара и надпись: «ПРОПАВШАЯ СОЛИСТКА “ЛЮМЕНА” ЖИВА. ЕЁ ДОЧЬ ПРОДОЛЖАЕТ ДИНАСТИЮ».

Ева проснулась от десятка звонков. Первый был от Миры.

— Не открывай ссылки на рабочем компьютере. Тамара уже сохраняет доказательства.

— Откуда файл?

— Не знаем. Рина утверждает, что копия не покидала студию.

— Мы слушали через её тракт. Там мог остаться кэш.

— Проверяют.

— Соня видела?

Мира замолчала на секунду.

— Да.

Ева села на кровати. Внутренний звон усилился.

— Что она сказала?

— Ничего. Только потребовала удалить.

— Я свяжусь.

— Нет. Сейчас коммуникация через меня. Она просила не звонить.

Ева услышала границу и остановилась.

— Хорошо. Что делаем?

— Экстренное заявление платформам, обеспечительные меры в суде, заявление о незаконном распространении персональных данных несовершеннолетней на момент записи.

— Алина была несовершеннолетней в 2018-м.

— Именно. Но ролик уже скачали тысячи раз.

Лев позвонил через минуту.

— Это дорожка из Valgus, — сказал он. — Та же комната, тот же дубль.

— Знаю.

— Рина?

— Пока нет оснований.

— У неё была единственная копия.

— Единственная известная.

— Ева, она записала Соню скрыто. Почему ты защищаешь?

— Не защищаю. Не назначаю виновного до проверки.

— Маркин уже публикует тизер. Посмотри его страницу.

Ева открыла с личного телефона. Георгий Маркин написал: «История музыки не может принадлежать тем, кто хочет спрятать её от слушателя. Скоро — полная восстановленная запись Инги Стрельцовой и неизвестного голоса её наследницы».

Под постом стоял хэштег #ВозвращениеАнны.

— Он признаётся почти открыто, — сказала Ева.

— Потому что уверен в правах.

— Или хочет, чтобы мы действовали поспешно.

— Что ещё ждать?

— Технический след.

Они встретились в «Люмене» через час. Тамара уже подняла копии журналов из Valgus. Во время прослушивания данные действительно буферизовались на рабочей станции. Станция была подключена к старой системе резервного копирования, которую Рина считала отключённой.

— Резерв уходил на сервер в облаке, — сказала Тамара. — Учётная запись зарегистрирована на бывшего совладельца студии.

— Маркина? — спросил Лев.

— На фирму, которую он купил в 2010-м.

Рина появилась на экране. Она сидела в той же студии, но впервые выглядела растерянной.

— Я не знала, — сказала она.

— Вы должны были знать, — ответила Ева.

— Да.

— Скрытая запись уже была нарушением. Теперь она стала публичной из-за системы, которую вы не проверили.

— Да.

Рина не защищалась, и от этого Еве не становилось легче.

— Я готова передать сервер и все права доступа следствию.

— Это минимум.

Лев смотрел на экран жёстко.

— Вы говорили о тестах на согласие, пока ваш архив отправлял голоса Маркину.

— Я ошиблась.

— Очень чистая формулировка.

— Другой нет.

— Есть последствия.

— Я приму.

Тамара вмешалась:

— На сервере обнаружено автоматическое правило: копировать файлы, в которых алгоритм распознаёт слова «Анна», «Соня», «Павел», «Волков». Правило создано в 2012 году и обновлено месяц назад.

— Кто обновил? — спросила Мира.

— Пользователь GM-Archive. Вход с адреса офиса Маркина.

Это уже было прямее.

Ева открыла оригинальный файл и сравнила с роликом. В публичной версии вырезали фразу Инги о запрете голоса. Оставили смех и песню, превратив частный момент в обещание релиза.

— Мы можем выпустить опровержение, — предложил Андрей. — Объяснить, что запись незаконна, что Соня не возвращается.

— Чем больше объясним, тем больше подтвердим личность, — сказала Мира.

— Тогда молчать?

— Нет. Говорим только о нарушении прав и требовании удаления. Без биографии.

Даня сидел в углу и смотрел на ролик без звука.

— Я могу сделать контрвидео, — сказал он. — Чёрный экран и её фраза «мы не возвращаемся через музыку».

— Нет, — одновременно ответили Ева и Мира.

Даня кивнул.

— Знаю. Проверял себя.

К полудню крупные платформы заблокировали исходный ролик, но копии продолжали появляться. Кто-то замедлял голоса, кто-то накладывал фотографии Сони из школы, кто-то пытался установить место жительства по акустике комнаты.

Ева смотрела, как чужое любопытство превращается в преследование.

Лев подошёл справа.

— Ты не виновата, что файл утёк, — сказал он.

— Я настояла слушать.

— С разрешения.

— И отправила Рине наши правила, считая систему безопасной. Каждый раз думаю, что контроль спасёт, а потом оказывается, что канал уже открыт.

— Это не значит, что контроль бесполезен.

— Значит, что он не заменяет согласие человека, чья жизнь внутри файла.

Телефон Миры завибрировал. Она прочитала сообщение и побледнела.

— Маркин объявил пресс-конференцию на вечер. Название: «Возвращение голоса, который пытались украсть».

Лев тихо выругался.

— Он будет утверждать, что мы украли архив.

— И предложит полный релиз, — сказала Ева.

Мира кивнула.

— Через три часа.

Остановить звук до того, как он прозвучит, было почти невозможно.

Но Ева уже однажды узнала цену фразы «слишком поздно».

На этот раз она не собиралась принимать её без борьбы.

ГЛАВА 37. Чужая песня

Пресс-конференция Маркина проходила в московской студии с большим экраном за спиной.

На экране медленно вращалась фотография Инги у микрофона. Рядом — силуэт девушки, составленный из кадров семнадцатилетней Сони. Лица Алины не показывали, но в тизере оставили её голос.

— Мы возвращаем культурному наследию произведение, которое почти двадцать лет удерживали в частных руках, — говорил Маркин. — Голос не может быть похоронен из-за семейных конфликтов.

Журналист спросил, есть ли согласие исполнительницы.

— Авторские права на историческую фонограмму принадлежат моей компании.

— Я спрашивал о согласии человека.

Маркин улыбнулся.

— В 1990-е годы индустрия работала иначе. Мы действуем строго в рамках закона.

Ева смотрела трансляцию в кабинете Миры. Лев стоял у окна, сняв аппарат: субтитры были точнее, чем звук.

На экране включили новый фрагмент. Из двух женских голосов Маркин вырезал слова и собрал вокализ поверх оркестровки Инги. Добавил ударные, которых никогда не было. В финале вставил детский смех Алины как эффект.

— Это не песня, — сказал Лев.

Ева не сразу поняла, что он говорил без аппарата и не слышал собственного голоса.

— Нет.

— Он выровнял дыхание. Подтянул ноты. Сделал дочь копией матери.

— Потому что история «династии» продаётся лучше двух разных людей.

Маркин объявил название релиза: «Вернись ко мне».

Соня никогда не произносила этих слов.

В чате трансляции зрители писали, что плачут. Требовали показать женщину, пережившую пожар. Строили теории, почему она скрывалась. Один блогер уже опубликовал возможную фамилию Алины.

Мира выключила экран.

— Суд назначил экстренное заседание на завтра. До него можем направить платформам уведомление от правообладателя.

— Соня подписала? — спросила Ева.

— Да. Но Маркин оспаривает её права. Нужен второй заявитель, чьи договорные интересы нарушены.

— «Люмен»?

— Фонд может. Но если мы заявим, что контролируем инструментальные права, Маркин потребует ареста всего архива до решения суда.

— И концерт, и остров, — сказал Лев.

— Да.

Ева посмотрела на партитуру. Они только получили новую дату — конец мая. Грант зависел от публичного исполнения. Арест архива мог заморозить всё на годы.

— Другой путь? — спросила она.

— Личный иск Сони о защите голоса и частной жизни. Но иностранная юрисдикция, защищённые данные, риск раскрытия личности. Суд может потребовать личное участие.

— Она не должна выходить из укрытия ради нашего концерта, — сказал Лев.

— Согласна.

— Тогда фонд заявляет.

Мира посмотрела на него.

— Ты понимаешь последствия?

— Да.

— Это не только твоя музыка.

— Поэтому решает совет.

Они собрали всех наследников. Соня участвовала через защищённый канал.

Мира изложила варианты. Костя проголосовал за иск фонда. Андрей — за. Даня спросил Соню первой.

— Я не хочу, чтобы «Люмен» потерял архив из-за меня, — сказала она.

— Это не из-за тебя, — ответила Ева. — Из-за человека, который использовал голос без согласия.

— Результат тот же.

— Нет. Причина важна.

Соня молчала.

— Что ты хочешь? — спросил Даня.

— Чтобы запись исчезла. Чтобы Алина не узнала об этом от однокурсников. Чтобы никто не называл песню «нашим возвращением».

— Тогда я за иск, — сказал Даня.

Мира проголосовала последней. Решение было единогласным.

Ева подписала техническое заключение: публичный релиз создан из закрытой архивной записи, подвергнут существенному монтажу, содержит голос несовершеннолетнего на момент фиксации и нарушает условия хранения.

Лев добавил заявление композитора: оркестровка искажает замысел Инги и не может считаться восстановлением.

— Это слабее юридически, — сказала Мира.

— Но нужно сказать.

Через два часа суд наложил предварительный запрет на публикацию до заседания. Маркин успел разослать файл журналистам и нескольким радиостанциям.

Одна из них поставила песню в эфир.

Андрей, работавший ночным ведущим, позвонил директору станции. Тот отказался снимать трек: «Общественный интерес».

Тогда Андрей вышел в свой эфир и вместо песни включил двадцать семь секунд тишины.

— Сейчас должна была прозвучать запись человека, который не давал согласия, — сказал он. — Мы не станем заполнять её место другим звуком.

Эфир разошёлся по сети быстрее релиза.

Маркин назвал это цензурой.

Ева слушала Андрея в аппаратной. В паузе её тиннитус был особенно громким. Но впервые тишина не означала, что голос исчез.

Она означала, что его не украли ещё раз.

ГЛАВА 38. Запрет

Чтобы добиться полного удаления, Еве пришлось заморозить архив.

Утром перед заседанием Мира положила перед ней заявление.

— Подписав, ты подтверждаешь, что все спорные фонограммы находятся под твоим техническим контролем и не могут использоваться без совместного решения с Львом. Суд, вероятно, наложит арест на носители и запретит любые производные работы.

— Включая нашу партитуру?

— Если Маркин докажет, что она основана на записи.

— Она основана на нотах Инги и разрешении Сони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.